

Лауреат газеты
«Литературная Россия»

Саша Кругосветов

Уже или ещё?

Литературная
РОССИЯ
с 1988 года

Саша Кругосветов
Уже или ещё (сборник)
Серия «Литературная Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42611924

Уже или ещё:

ISBN 978-5-907042-90-2

Аннотация

В новую книгу Саши Кругосветова вошли рассказы и лирические зарисовки, ранее публиковавшиеся в еженедельнике «Литературная Россия», а также произведения, не вписавшиеся в объём газетных полос, но оценённые в литературно-критических статьях на страницах издания.

«Уже или ещё?» – этот вопрос мы задаём себе и в пятнадцать, и после шестидесяти. В народе говорят: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Но, на самом деле, и в юности можно сделать зрелый выбор, и в солидных годах – ощущать внутреннюю молодость. Об этом, об исканиях и обретении счастья, любви, свободы и рассказывает данная книга.

Содержание

Сладкий вкус молодости	5
Что за фрукт хурма	5
Поселок	8
Алупка в бронзовых тонах	19
Две стороны любви	24
Смерть	24
Сны любви	27
Послания из прошлого	42
На краю бездны	61
Это было сродни помешательству	61
Смерть Арона	66
Уже или еще	79
Лирическая тетрадь	79
Юность	96
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Саша Кругосветов

Уже или ещё

© Саша Кругосветов, 2019

© Издательство «Литературная Россия», 2019

© Интернациональный Союз писателей, 2019

Сладкий вкус молодости

Что за фрукт хурма

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?*

С. А. Есенин

Это было в начале семидесятых. Я спросил у прекрасной Кэто из небольшого горного села:

– Скажи, Кэто, как по-грузински будет «здравствуй»?

– «Гамарджоба» по-грузински – «здравствуй!».

– А как будет «спасибо»?

– «Гмадлобт!» – «благодарю вас», а «диди мадлоба» – «большое спасибо!»

– «Привет, девочка, какая ты красивая!» – как это сказать?

Кэто долго смеялась, а потом ответила:

– «Салами гогона ра ламизи харр!»

Я все записал русскими буквами. Потом читал то, что было записано, и девушка опять смеялась, видимо – над моим

плохим произношением. Мы сидели в саду дома ее родителей. Вокруг все было в синем – беседка в синих цветах клематиса, приглушенная синева темных гор, высокая синева неба и ярко-синие глаза Кэто.

– А как сказать, Кэто: «я люблю тебя»?

– Грузинский парень говорит любимой девушке: ме шен миквархар!

– Ме шен миквархар, Кэто!

Кэто всплеснула руками от удивления.

– Ме шен миквархар, Кэто! Ме шен миквархар, Кэто! – без конца повторял я, и она хохотала так, что слезы текли из ее красивых глаз.

Прошло совсем немного времени, я опять оказался в Грузии. Познакомился с симпатичным стариком и пригласил его посидеть в маленьком кафе на берегу моря. Мы ели хачапури, грузинские лепешки с сыром, запивали их зеленым чаем и разговаривали. Темное море приветствовало нас тысячами белозубых улыбок прибоя. На столе в вазочке стоял синий цветок клематиса.

Я рассказал историю своего знакомства с Кэто. Потом достал записи, читал то, что надиктовала Кэто, и спрашивал, правильно ли это записано.

– Правильно, – отвечал мой собеседник, – и это правильно, и это тоже правильно.

– А скажи мне, бабу (дедушка), что означает: «ме шен миквархар»?

Бабу улыбнулся, задумался. Ответил не сразу. Кровь застучала у меня в висках.

– Что ты так побледнел, мой друг? Видно, зацепила-таки твое сердце нежная Кэто.

Старик опять немного помолчал.

– Не стану обманывать. Есть такая грузинская пословица, по-русски она звучит так: «может ли знать осел, что за фрукт хурма?»»

Мы весело посмеялись над тем, как ловко подшутила надо мной юная проказница. Я не чувствовал никакой обиды. Мне понравилась невинная шутка прелестной Кэто, и впоследствии я иногда рассказывал эту историю своим друзьям.

Много лет минуло с тех пор. Однажды темным зимним вечером мне позвонил давний друг и почему-то вспомнил этот симпатичный эпизод моей юности. Я открыл интернет и набрал на синем экране: «ме шен миквархар». Бесстрастный компьютер ответил: «я люблю тебя»! Вот это да! Значит, Кэто вовсе не высмеивала меня и все правильно продиктовала. А обманул, вернее, подшутил надо мной, лукавый старик. Да нет, почему подшутил? – напрямую сказал то, что думает. Но ведь он был прав, тот «бабу»: осел не знает вкуса хурмы, «варма ра ичис хурма ра хилиао» – вот как это звучит по-грузински. На высоком дереве растет хурма, откуда ослу знать, что это за фрукт?!

Вкуса-то он не знает, а вот любить сладкую хурму никто не может ему запретить – «ме шен миквархар, Кэто!»

Поселок

*В гранитах скал – надломленные крылья.
Под бременем холмов – изогнутый хребет.
Земли отверженной – застывшие усилья.
Уста Праматери, которым слова нет!*

Максимилиан Волошин

Туриста, приехавшего в этот южный поселок, ждет неминуемое разочарование. Его утомленный, распаренный и застоявшийся внутренний взор ждет богатого бега рельефа, открывающихся просторов моря и буйных потоков зелени. Хочется, очень хочется, чтобы в нашей жизни все соответствовало простым и понятным идеалам – чтобы работа была творческой и высокооплачиваемой, квартира – многокомнатной, жена – красивой, доброй и послушной, а причерноморский поселок – тенистым и уютным.

Поселковый пейзаж, который впервые видит вышедший из автобуса турист, довольно бестактно сообщает, что надо забыть о своих камерных представлениях о счастье и из всех благ юга довольствоваться только жарой, чахлой и редкой запыленной растительностью, пересохшим руслом речки и плоским неприглядным пейзажем.

Турист приехал один. Он вздыхает и обращается к единственному своему собеседнику голосом, в котором он спря-

тал остатки своих теплых чувств: «Ну что, душа, принимаешь?» Душа не принимает. Что же делать? Тогда подвинься душа... Одинокий путешественник помещает свое «я» немного в сторонке, а сам, в соответствии с рекомендациями модного тогда в полуинтеллигентной среде индуизма, решается окунуться с головой в окружающую его грязь и серость жизни.

Медленно и грустно бредет он по сухой, растрескавшейся и пыльной дороге – кто примет одинокого мужчину?

...нет, только семейных...

...если б вас было четверо, ищите троих...

...на двадцать дней можно, на десять не возьму...

...ну ладно уж, живите в коридоре за занавеской.

День прошел, теперь помыться и спать, а завтра – в море.

Спи, ешь, купайся, снова ешь, стой в очередях, везде пыль, пыль, смотри на пыль, ты не знаешь еще, как воздастся тебе за терпение и умение с достоинством нести свой крест.

Пойди от поселка влево. Что ты увидишь? Выжженную степь, покрытую верблюжьей колючкой. Землю, пережившую все времена и народы, старую и уставшую, неспособную больше рожать траву, цветы и кустарник.

Полупустыня перекачивается мягкими волнами. Ничего лишнего в этом скупом пейзаже, формы холмов – идеальные, без мелких деталей и растительности. Бежит, бежит глинистое море, покрытое желто-серой колючей кожей, бе-

жит, горбится, торопятся навстречу ему бирюзовые черноморские волны, грызут глину белыми зубами прибоя.

Заберись на самый высокий холм – ты увидишь, глядя на линию горизонта, округлость нашей земли, ее величественные формы, пытающиеся скрыться в дымке влажного воздуха. На морской глади планеты – озноб, темные пятна от порывов ветра строят причудливые фигуры – модели неизвестного нам, чужого мира, для которого наша планета – Солярис.

Чем дальше от поселка, тем круче нрав холмов, обрывистей и причудливей берега, уже галечные пляжи. Бегите, волнуйтесь застывшие волны земли!

Время и ветры разгладили морщины этих склонов. Взору реалиста не за что зацепиться – не углядеть ни одной случайной подробности, подтверждающей факт существования этих холмов и склонов. Все вокруг кажется сделанным фантазией и силой художника, тяготеющего к абстрактным формам.

Упругий бег холмов создает иллюзию искривления пространства. Уж не грезятся ли нам эти формы, существующие на самом деле только как миражи в могучих потоках теплого и холодного воздуха, с различной скоростью поднимающихся к бездонному небу?

Когда спускаешься крутой извилистой тропой, посмотри на ближайший соседний холм. Вот он вздымается совсем рядом, вертикальной стеной, по которой ты пройдешь через

несколько минут. Кажется, протяни руку и достанешь до его склона. Теперь опусти глаза – видишь? – путь к склону лежит через дно пропасти, ложбину, которая находится далеко внизу. Здесь что-то не по правилам, здесь без искривления пространства не обошлось. Оглянись по сторонам: в фас все склоны имеют отрицательный уклон, в профиль – положительный. Какой чудный праздник трехмерного пространства устроили здесь для путника боги земли!

Гнев природы закипает все сильнее, все выше и круче поднимаются окрестные холмы и горы и все труднее удержаться им в округлых, гармоничных формах. Склоны гор трескаются и разламываются ровными гранями. Трещины украшают их кубическими изображениями деревьев и кустарника. Глинистые плоскости разломов чутко реагируют на движение солнца сменой пепельных, сиреневых, желтых и зеленоватых тонов. Пейзаж скручивается в тугие водовороты и, не выдержав напряжения, разваливается на тысячи, мелких осколков, призм, кубов, огромные груды оgranенный гранитных геотел. Пробираясь через завалы, напоминающие горы битой посуды мифологических супергигантов, невольно заражаешься энергией и экспрессией этого пейзажа.

Потоки глиняного моря выбрасывают за береговую черту гейзеры мысов. Вот мыс в форме кита, он так сильно выдвинулся в море, что едва не оторвался от берега. Высокий, длинный мыс, сложенный из кила, опирается – стоит, лежит, как лучше сказать? – на каменную плиту и имеет в раз-

резе форму готической стреловидной башни. Его обрывистые берега, срезанные и отполированные волнами, смыкаются вверху под острым углом, оставляя место лишь для узкой, извилистой тропы. Серая дорожка чуть присыпана сверху шоколадной крошкой мелких острых камешков.

Волны вырезали на стенках мыса затейливый узор. Кажется, что мыс собран из спускающихся под разными углами гирлянд призм. В течение дня лучи солнца по-разному освещают грани этих призм, и мыс переливается волшебными цветами на фоне окружающих его гор.

Этот глиняный кит – как апофеоз пейзажа, как последний яростный крик, который позволяет успокоиться ландшафту. Степь выравнивается, раскрывается широкой низкой долиной и роскошной, плавной, тишайшей бухтой с пологим дном и песчаным пляжем. Чтобы оградить эту умиротворенность и спокойствие природы, бухта в километре от берега замыкается на небольшой глубине каменной перемычкой. Местами эта перемычка выступает из воды небольшими скалами и камнями, приютом бакланов, чаек и редких отчаянных пловцов.

Но взглянем через тихую гладь моря на дальние берега. Там природа опять приходит в движение, волнуется, вздымается горами и мысами. Иди по берегу, отдыхай, купайся, снова иди, сравнивай его со своей жизнью и учись получать удовольствие от каждого данного момента, а также от того, что тебе вспоминается или представляется, глядя мыслен-

ным взором назад или вперед вдоль своего пути.

Если ты привык к палящему южному солнцу, кожа твоя задубела от морской соли и ветра, тело стало гибким и выносливым, если душа твоя отдохнула в спокойствии тихих бухт и созерцании гладких холмов, если она готова уже ринуться вниз с прохладных разреженных высот абстракций в душную, горячую атмосферу реальной жизни, где друзей и природу надо воспринимать непосредственно и без рассуждений, – оглянись еще раз по сторонам.

Вплотную к поселку справа примыкают коричневые и зеленые отроги живописного горного массива. Эти горы, как призом природы стремительно поднявшиеся над равниной моря, сморщились многочисленными кожистыми складками, покрытыми дерном и кустарником. Изобилующие конкретными деталями – пиками, выступами, обрывами, ручьями, осыпями и разнообразной субтропической растительностью, горы эти контрастируют с выхолощенными пейзажами далеких пустынных бухт и словно курортные красавицы привлекают путешественников своим веселым нравом и доступностью.

В центре массива видны мягкие очертания горы Святой. Центральная гора окаймляется полукругом круто падающих в море горных хребтов. В долине между ними пасутся стада кудрявого низкорослого кустарника.

Можно представить себе, что эту долину соорудил бородач Саваоф, играя в песочек на берегу ласкового моря. Он

опустил могучие руки в склон горы и вытащил подкову хребтов из недр земли. Тяжелые базальтовые валы опрокинулись в море фантастическими обрывами, возмущенный камень взвился к небу огненными языками и застыл причудливым костром вытянутых, изогнутых скал. Саваоф осмотрел получившуюся небольшую горную страну и решил усилить декоративные эффекты этой своей миниатюры. Он вставил лупу в гигантский глаз и долго шлифовал скальные выступы, сделав из них дома, ворота, зверей, баб и мужиков. А теперь, дружок, шепнул он на ухо одинокому путешественнику, возьми своих приятелей, погуляй вволю по этому маленькому горному парку и посмотри на мои чудеса.

За последним домом поселка дорожка резко, без предупреждения поднимается вверх. Загибаясь за округлость горы, дразнит, зовет вперед, маня кажущимся окончанием подъема. Душа гор бежит перед путниками, разматывая извилистую тропу; горы тяжело дышат, пульсируя складками рельефа, и на их разгоряченной коже дрожит марево. Каменное тело гор сохнет и трескается от тяжелого подъема. Погоди, вот уж я тебе... Мокрый, живой как ртуть человек – ни в силе, ни в скорости не уступят тебе эти горы.

Сердца путников бешено колотятся в такт с пульсом гор, лица заливают едкий пот, в кеды впиваются острые выступы скал – погоди, уж я тебя догоню... Но подъем сменяется подъемом, а перевала, к которому стремятся путники, не видно.

Разговоры, шутки, смех утихают.

Дыши глубже, ступай на пятку, голову выше, работай руками... Вот увлеченность стремительным движением; так самозабвенно бежим мы по темному тоннелю жизни, жадными глазами следим за светлым окошком впереди, добегаем, а там уже могила.

Остановись, дорогой, успокойся.

По сторонам растут кизил и шиповник, покрытые серебряной пылью.

Оглянись – у твоих ног обрыв. Внизу поселок, маленький и ненатуральный, как географическая карта; за ним – неоглядные просторы. Утреннее солнце набросало множество мельчайших ярко-желтых осколков, рассыпанных дорожкой по голубому телу моря.

Погляди вперед – ближе уже ярко-зеленый перевал.

Не спеши, путник. Сколько вокруг всяких благ. Возьми в рот круглую мякоть плода, вкуси раскаленным языком его благотворную влагу, поддержи ее во рту, осознай все ее разнообразные ароматы, проглоти и ощути полостями своего тела. Дай плоды спутнице и посмотри, как откроются ее глаза, разбегутся морщинки, выпрямятся плечи и спина, поцелуй ее в губы, влажные от кисло-сладкого сока. А теперь – вперед, к перевалу, где узнаешь, что час ходьбы отделяет знойный поселок от горной прохлады и освежающего ветра дубовых рощ, сочной зелени полян и спокойного горизонтального бега верховых троп.

Там, наверху, ты увидишь, что между двумя зазубренными хребтами, открывающимися к морю, стоит громадный прямоугольный камень. Похоже на то, что на его гладкие отвесные стены и верхнюю площадку не ступала нога человека или животного. Говорят, правда, что однажды в штормовую ночь туда чудом забрался испуганный барашек, и двое суток разносились с неприступной скалы его жалобные крики. Рассказывают также про девушку-болгарку, уроженку этих мест, которая босиком исходила все окрестные горы и единственная взбиралась якобы на этого титана.

Могучий каменный парень врос ногами в землю. Повернувшись лицом к древнему морю, он плечами удерживает тяжесть горных хребтов. Спокойно и уютно путнику за его широкой спиной. «Привет, Котубидзе! – крикнешь ему. – Я узнал тебя»; и услышишь в ответ добродушное ворчание: «...я узнал тебя».

Под давлением гор сжалось пространство за спиной гиганта. Вот – твои друзья у его подошвы. Далеко, а кажется: рукой достанешь. И слышен каждый шорох и звук. Беги от них по шару медленно поворачивающегося под твоими ногами горного массива – чем дальше, тем громче и отчетливей слышно их радостное пение на этой импровизированной эстраде – Ааа-а-ри, а-а-ри, аари, ари-а-а-а, ари-а....

Прощай, Котубидзе, – я еще вернусь к тебе. Прощай, мой добрый, умный, чуткий и сильный. Прощай, мой щедрый, терпеливый, прощай мой стройный и красивый. Прощай,

друг мой. Как бы мне хотелось встречать тебя иногда на улицах моего северного города. Я не забуду тебя, дружище. Буду вспоминать тебя холодными зимними ночами, когда ты будешь стоять среди вихрей ледяной пыли, один, брошенный и забытый случайными приятелями летних курортных прогулок...

Веди своих друзей дальше в горы, веди их в Мертвый город, это своеобразное нагромождение скал, напоминающее разрушенные простенки, лестницы и арки домов. Дай им напиться из источника, аккуратно прикрытого камнями от солнечного света и жары. Приведи их на смотровую площадку.

Глянешь осторожно с края площадки на вибрирующую внизу голубую бездну моря и ощущаешь внезапное падение; душа с ужасом отрывается от тела как в самолете, проваливаемом в воздушную яму. Так падаешь, падаешь... Никак не упадешь – значит летишь?

Тебя и твоих друзей на этой смотровой точке охватывает неопишное ощущение, связанное, возможно, с соперничеством стремительному и грандиозному низвержению каменного потока в пропасть, глубину которой трудно измерить человеческим глазом.

Веди своих друзей вниз по скалистым спускам, пыльным осыпям, пересохшим каменным ложбинам ручьев, напоминающим трассы бобслея, к морю, к морю, дающему прохладу, чистоту, горькое ощущение соли во рту.

Заботься о них, веди по пляжам, тропинкам и карнизам,

где среди соленых брызг, смены жары и холода, среди пыли и волн, наблюдая красоту нашей планеты, ощущая радость физического движения и поддерживая друг друга молодыми руками, вы сами создаете самое хрупкое и радостное творение природы – человеческую любовь и дружбу.

Алупка в бронзовых тонах

Это произошло год назад в бархатный сезон.

Феликс путешествовал по Крыму. Чудесный, любимый Крым, исхоженный вдоль и поперек.

На полуостров добирался из Одессы. Вечером взял палубное место на пароме. Просто и недорого. Место... Никакого места это «место» не означало. Просто нашел уголок потише на деревянной палубе, завернулся в старое шерстяное одеяло.

Не очень, конечно, удобно. Ночь была холодная, и одеяло не особо спасало. Немного поспать все же удалось. Утром был уже в Севастополе. Неделю провел в Крыму. Встретился со старым приятелем. Познакомился с тремя студентками из Молдавии. Девушки симпатичные, общительные, в общем – сугубо положительные девушки. Одна из них выказывала ему явное расположение. Феликсу она тоже понравилась – милостивая, «спортсменка, комсомолка» & so on. Никаких душещипательных продолжений, однако, с ней не получилось. На второй день у девушки на губе выскочило огромное фуфлю, она очень стеснялась, короче, все это не способствовало...

Потом неожиданное приключение в Алупке. Довольно опасное, между прочим... Скажу сразу, закончилось оно благополучно – как для Феликса, так и для всех остальных...

Феликс любил купаться в море на самой окраине города. Где ни набережной, ни парка, лишь отдельные жалкие хибары лепятся на крутом склоне, из года в год медленно, но уверенно сползающем в море. Не помогают бетонные тетраэдры – массивные, тяжеленные блоки, растопырившиеся четырьмя ногами в разные стороны. Глинистый склон, набитый картечью острых опасных камней, ждущих своего часа, чтобы в полной мере выказать наглым, крикливым людишкам свой злобный нрав, неуклонно ползет и ползет вниз, лениво поворачивая в сторону моря веер растущих на нем кипарисов – наподобие угловой решетки ленинградского Летнего сада. Это место называют почему-то Вторым ущельем. На ущелье оно не очень похоже, но пляжа там действительно почти нет, и прибрежная полоса завалена огромными, в человеческий рост, отполированными черными камнями, по проходам между которыми купальщик, утопая по щиколотки в крупной гальке, может пройти и погрузиться в хрустальную, зеленоватую зыбь моря. Но если волнение... Не дай бог попасть в это крошечное месиво беспощадных волн и упрямой земной тверди, ощерившейся неумолимыми каменными глыбами. Феликс часто бывал здесь. Он хорошо знал и скалы, и проходы, и коварный нрав волн в этих теснинах. И не боялся здесь купаться. Даже, если шторм. И в этот раз он вбежал в воду, уплыл далеко в море, от души накрутился и накувыркался в пенистых волнах, а потом, на обратном пути, отловил самый высокий вал, взлетел вместе с ним на верши-

ну большого гладкого камня, называемого здесь «роялем» за красивые, изысканные изгибы, и съехал с него на попе прямо в прибрежную полосу гальки. Лихо! Местные ребята с восторгом наблюдали за маневрами приезжего парня из далекого северного города.

Однажды ветреным вечером мальчишки – поклонники Феликса – разыскали его в городе и потащили к морю: «Давай, Феля, давай, поторопись, там дядька тонет. Не, незнакомый, приезжий... Волна, блин, огромная, не выбраться ему – точняк утонет». Прибежали ко Второму ущелью. Оказавшийся в воде мужчина... он пытался плыть к берегу, но набегала волна, крутила, бросала и вновь уносила пловца метров на двадцать назад в море. Не могло быть и речи, чтобы прыгнуть в воду и вытащить человека, тут самому бы выбраться, не то что вытащить другого. Феликс руками и голосом, с трудом перекрывая свист ветра и шум прибоя, попытался объяснить бедолаге, чтобы тот не приближался к прибрежным скалам, не тратил попусту силы и оставался в зоне, где волна еще не загибается и не захлестывает пловца. «Держись, мужик, мы скоро вернемся и поможем тебе». Заглянули в соседний дом, взяли у хозяина, старого знакомого Феликса, большущий моток толстой веревки. Феликс обернул веревку вокруг пояса, полмотка оставил у себя в руке, вторую половину – развернул и дал четверем ребятам – тем, кто постарше и покрепче: «Стойте на берегу и тяните изо всех сил, когда дам команду».

Феликс зашел по грудь в воду. Тяжелые валы с ревом обрушивались на него, и когда волна опадала, Феликс упирался ногами в дно, а ребята тянули за веревку, чтобы его не унесло в море. Вода отходила, и тогда был виден попавший в переплет купальщик – до него оставалось метров 10–12. Феликс бросил моток веревки с петлей на конце как лассо, но веревка развернулась не в ту сторону, и волна погнала ее к берегу. С третьего-четвертого раза ему все же удалось сделать бросок поточнее. Моток упал недалеко от несчастного купальщика. Мужчина напрягся, собрал последние оставшиеся силы и рванулся к берегу;

в конце концов, ему удалось зацепиться за петлю. «Держись, парень!» – крикнул Феликс и стал выбирать веревку, медленно отступая в сторону крошечного пляжа. «Теперь ваша очередь, мелюзга, а-ну-тяните-салажата-изо-всех-ваших-сопливых-сил!». Несколько крутых волн, несколько ударов и падений, и обессиленного мужика общими усилиями выволакивают, наконец, на берег. Мальчишки повели-потасили пострадавшего домой, а Феликс, продрогший и уставший, так и остался сидеть на берегу моря. Разные ситуации бывали – и быстрюю Вятку переплывал «на раз, два, три» туда и обратно, и норовистая горная река, вся в камнях и перевалах, покорилась ему на Памире, но такого... Ничего подобного с ним еще не случилось. Внутри все дрожало от холода, от нервного возбуждения, а в голове звучала барабанная дробь и музыка победного марша: «I did it! Я сде-

лал это!»

Закатное солнце временами появлялось в разрывах синеватых туч и заливало бронзовым лаком согнутую фигуру Феликса, гальку пляжа, веер наклонившихся кипарисов и вершины скал, нависающих над бушующей морской стихией.

Две стороны любви

Смерть

Интересно, как поживает дядя Рустам из Симферополя? Остановливался у него по дороге в Алупку, это было лет пятнадцать назад. Ночь перед отъездом была жаркая, душная, ни ветерка, все плавилось, лишь равнодушная луна безразлично взирала сверху на мучения этих ничтожных людишек.

Руслан долго не мог уснуть. Раздетый, весь в липком поту, вышел на открытую галерею в поисках свежего воздуха. Там у ограждения галереи стояла жена дяди Рустама, его тетя, значит, – в легком халатике, смуглая, худощавая женщина лет пятидесяти. Тоже, видимо, мучилась, от жары.

Она повернулась к Руслану. «Подойди ближе». «Еще ближе». Распахнула халат: открылись острые груди с коричневыми сосками и темный низ живота. Обвила его шею руками, села на деревянные перила, сказала властно: «Возьми меня».

Отказать было невозможно, он обнял ее за талию под халатом и вошел в нее. Она приглушенно застонала – еще, еще, сильнее. Перебрались в комнату Руслана – еще, еще, сильнее, сильнее. Сколько это продолжалось, неизвестно. Похоже на то, что жаркая ночь никогда не кончится. Еще, еще...

Пот стекал по ним ручьями, мокрая постель, волосы, она истерзала ногтями его плечи, искусала губы. Когда закончится это сладкое мучение?

Руслану казалось, что он – уже не он, всего лишь остатки телесной оболочки, послушно выполняющей все, что хочет эта женщина, а его уже почти нет, улетел куда-то, почти умер. Конец всему, больше не будет – ни нежности, ни счастья, ни любви, ни его любимых книг, эта ночь вытеснила все из его жизни, осталась только эта демоническая женщина.

Почему не боялась, что зайдет муж? – наверное, знала, наверняка знала, что тот ни за что не зайдет.

Еще, еще. Сколько это продолжалось? Она издала долгий, мучительный стон и рухнула на постель. Потом встала и, двигаясь как сомнамбула, почти не открывая глаз, подхватила брошенный в углу халатик, накинула его на плечи и уплыла в синюю ночь, распахнув полы как летучая мышь. Не поворачивая головы, бросила скрипучее: «Подбери трусы на полу галереи, племянничек». Ни поцелуя, ни человеческих слов на прощанье.

Руслан чувствовал себя растоптанным. В том, что произошло, не было ни любви, ни даже влечения. Она взяла его как секс-машину, с таким же успехом она могла бы взять осла или красавца дога.

Наутро жена дяди приготовила завтрак, они втроем позавтракали, говорили мало, потом Руслан уехал на троллейбусе к морю. Больше не виделись. Ни с Рустамом, ни с его женой.

Тогда он думал, что вышел за рамки, нарушил все мыслимые нормы приличия. Теперь он видел это совсем по-другому. В ту ночь приходила не просто женщина. Его посетила смерть. Бездушная, жестокая смерть, привычно выполняющая свою работу. Она пришла не забрать его – только предупредить. Чтобы он понял, какова эта смерть на самом деле, и какой дорогой он, Руслан, придет к своему концу.

СНЫ ЛЮБВИ

Ты спишь, дорогая, а я уже встал – так часто бывает в последние годы.

Объяснялся ли я когда-нибудь тебе в любви? Получается, что нет.

Мы встретились не в юном возрасте, у каждого за плечами – своя жизнь. Мне под сорок, тебе под тридцать. Я – ещё молод и силен, ты – чудо как хороша. Мы с тобой никогда не признавались в любви, не говорили нежные слова. Не принято было. У нас с тобой не было принято. Сын наш – сейчас уже совсем взрослый. Мы очень любим его. Никогда не баловали его нежностями и объятиями, принятыми в других семьях. Но очень любили его. И любим. Он всегда знал об этом. И сейчас знает.

Мы были как одно целое. Твои глаза неизменно светились, когда я смотрел на тебя или брал за руку. И земля качалась и улетала. Наверное, мои глаза тоже светились.

Мы только познакомились. С первого дня, где бы мы ни появлялись, незнакомые люди принимали нас за молодоженов. Это было очень и очень долго. А сейчас, наверное, уже не принимают. Не потому что прошло больше тридцати лет. Я чувствую то же, что и раньше, когда держу твою руку. Просто, какие уж мы молодожены. Молодожены – молодые муж и жена. Мне – за семьдесят. Тебе тоже немало. За шестьде-

сят. Хотя мы еще ничего себе.

Почему я никогда не объяснялся в любви к тебе? С теми, с кем был раньше, до тебя, с теми объяснялся, и часто. С тобой – никогда.

Сегодня утром, в тот момент, когда я проснулся, вся наша жизнь промчалась перед моими глазами. Я понял, как был счастлив с тобой. И мне захотелось сказать тебе об этом. Ты, конечно, знаешь. Но, всё равно, хочется сказать. Сколько мыслей и воспоминаний промчалось в это одно мгновение... Их не уместить в короткие слова. Я решил написать об этом в письме. Ты ложишься позже меня, просыпаешься – соответственно, у меня есть не менее двух часов. Я напишу все, что хочу сказать, ты проснешься и прочтешь. Просто прочтешь. И ничего не будем обсуждать. Потому что ты и так знаешь то, что я хочу сказать. И что я могу написать о нас. Больше тридцати лет быть с женщиной. Любить. И никогда не сказать об этом. Мне уже семьдесят. Когда же еще, если не сейчас?

Вся моя жизнь разделилась надвое встречей с тобой: до и после. До – я жил, мечтал, работал, любил и был любим. Путешествовал, много путешествовал. И точно знал, что я тебя еще не встретил. Знал, что встречу обязательно. Признаюсь – готовился к этому. Часто думал об этом. Готов ли я? Не стыдно ли мне будет за себя, когда мы встретимся? Не сочтешь ли ты меня пресным, унылым, пошлым, неинтересным, мелочным, пустым, суетным, ограниченным? Что я

скажу тебе? Заинтересует ли тебя то, что я скажу? Или сделаю? При встрече. И потом. И долгие годы после этого.

Было много новых лиц, приключений, путешествий. Я вбирал в себя впечатления от слетов, тусовок, соприкосновений, толковищ, междусобойчиков, свиданок, вечеринок, где знакомился с разными интересными и не очень интересными людьми. Но больше всего запоминались знакомства и встречи с красотами земли. Отбирал лучшее и хранил в своем сердце. Знал, что это будет нужно. Потом. Для тебя. Много повидал, ведь я же моряк. Но в памяти оставалось немного. Оставалось лишь то, что захватывало меня целиком, без остатка. Потом эти особенные впечатления и эти поездки приходили во сне. И во сне я снова переживал посещение прекрасных, незабываемых мест.

То была как бы предварительная жизнь. Эскиз. Черновик. Я думал, что люблю больше блондинок, смешливых хохотушек. Остроумных, дерзких. Такой была Жанетта. Мы совсем не подходили друг другу. И я упорно искал тебя. Но так же упорно продолжал думать, что мне нравятся только блондинки-хохотушки.

А потом мы встретились. Это произошло очень буднично и без фанфар. Увидел тебя и сразу подумал, что ты – это ты. Отметил про себя: она совсем другая, не такая, как я думал. Но все равно понял, что это ты. Сразу. Когда встречаешь суженую, понимаешь сразу: это та, которую искал. Просто я, наверное, был готов.

Началась новая жизнь. Наша общая жизнь. Для меня – жизнь набело. Я не говорил тебе о том, как бы мне хотелось поделиться с тобой самыми яркими впечатлениями. Которые я уже пережил раньше. Один. Начерно. Я хотел пережить это еще раз, вместе с тобой. Набело. Это получалось само собой. И тебе это нравилось.

Теплое море. Мы кладем вещи на матрас. И плывем. Вдоль берега. Я толкаю матрас. Плывем весь день. Спрямяем натянутые луки пляжей. Огибаем огромные скалы, убежавшие в море на сотни метров. Наблюдаем отчаянных ныряльщиков, разбегающихся, летящих вдоль скалы горизонтально и вниз, втыкающихся в хрустальную бездну с семидесятиметровой высоты. Плывем вдоль вертикальной горной стены без береговой линии, подводная часть которой столь же вертикальна, что и надводная. Я держу твою руку, и мы опускаемся вниз, под воду, вдоль зеркально отвесной стены. Беспечные рыбешки играют в радиальных лучах солнца. И твои черные волосы развеваются вокруг головы, уходящей в веселую пучину. Мы плывем все утро, весь день. Из пункта А в пункт Б. Пересекая бухты, иногда оказываемся далеко в море. Потом плывем к берегу. Слышим призывы спасателей: «Купальщики, вернитесь в зону купания!». Да мы возвращаемся, возвращаемся. Мы и так уже возвращаемся. Находим уголок для ночевки. Совсем нам не подходящий. Мокрицы, сырость, теснота. Влажные простыни. А мы – молодые, загорелые, сильные, веселые. На следующий день плывем даль-

ше. Ты и я. Мы. Мы и теплое море. И ничего искусственного. В море нет места для лжи. Обмана. Корысти. Гордыни. Бесчестности. Злобы. Суеты. Коварных замыслов. Всего, чем заполнена наша жизнь на суше. Только природа. Вода, мать всего живого. И любовь. Море – мать любви. Небо – отец любви. Солнце – заботливый друг любви. Ветер – веселый спутник любви. Ты вспоминаешь? В наших жилах бьют токи молодой крови. Она вскипает от эликсира любви, переданного нам в момент рождения неведомым механизмом, механизмом, запущенным любовью наших отцов и матерей, тогда еще молодых, безрассудных и любящих друг друга, как мы сейчас. Море, любимое море, – вот мой тебе подарок, дорогая. Я готовил для тебя свою любовь к морю. И взаимность моря. Море теперь любит тебя так же, как меня. Потому что мы вместе.

Мы поднимаемся к острой вершине, господствующей над разогретыми солнцем скалами старого кратера. Последний участок – самый крутой. Вокруг – отвесные обрывы. Тебе не хочется подниматься. Отказаться и вернуться ни с чем – тоже не хочется. Я не уговариваю. После некоторых раздумий ты делаешь последние сто шагов, держась руками за гладкие камни. Я помогаю. Ты на вершине. Площадка совсем маленькая. Метр на метр. Может, – полметра на полметра. Ты выпрямляешься. Складки старого горного массива у твоих ног. Здесь, в этом Киммерийском вулкане, был проход в царство мертвых. Глубоко под землей тихо течет Стикс, река

мертвых. Харон во времена оны согласился перевезти через нее Одиссея туда и обратно. Сейчас Стикс надежно укрыт отрогами. Не видно Стикса и не слышно. Не видно прохода в царство мертвых. Видны лишь обрывающиеся в море грозные скалы. Внизу – Чертовы пальцы, тридцатиметровые каменные столбы. Которые, кажется, дырявят небо, когда смотришь на них снизу. А сверху – просто пальчики. Симпатичные. Но совсем не грозные. И голубые морские дали. И крохотные деревеньки внизу. Теперь ты видишь то, что снилось мне. Что я лелеял и готовил для тебя в прошлой жизни. Ты вытянулась, как бутон цветка, только что пробившегося на вершине из каменного тела горы. Дух святой нисходит к нам с небес в лучшие моменты жизни. За твоей спиной распахиваются роскошные белые крылья. Я снимаю тебя на вершине горы, ангел мой. Это лучшая твоя фотография.

Все имеет начало и конец в подлунном мире. Прошло время. Казалось, заканчивается моя вторая жизнь. Прекраснейшая из моих жизней. Но она заканчивалась. Любовь устала. Света становилось все меньше. Осталась привычка. Твои глаза потухли. Мои – наверное, тоже. Упали сумерки. Жизнь остановилась. Должна была прийти третья, четвертая, еще какая-нибудь жизнь. Сердце забило с новой силой. Казалось, вот он, новый свет. Казалось, мою жизнь осветили новые прекрасные глаза. Новые объятия. В голове – бардак. Чердак забит ерундой. Все перемешалось.

Суета сует. Закрутились вихри, поднимая тучи пыли. Я

расскажу тебе о том, о чем раньше не говорил. Демоны, прежде дремавшие в темных закоулках моего мира, проснулись и захватили все пространство. Они кричали, визжали. Впивались когтями в сердце. Царапали лицо, руки. Вокруг всё рушилось. Оказывались врагами те, кто прежде казались друзьями. А враги не становились друзьями. Где я? Что со мной? Новые глаза с нежностью и грустью, но почему-то без сожаления следили за крахом моей жизни. Разваливались и падали здания, цирки, башни, которые я всю жизнь возводил вокруг себя. Размывались принципы, рушились идеи. Господи, помоги мне! Научи, дай хоть немного света во тьме крошечной. Укрепи мое сердце. Я был болен. Руки тряслись. Глаза ничего не видели. Губы пересохли. Мои ангелы-хранители спустились с неба, чтобы спасти меня. Они прикладывали влажную повязку к моему пылающему лбу. Они держали меня за руки. Чтобы унять их дрожь. Что-то нашептывали мне. «На свидание с Господом, – говорил мне библейский красавец отец Михаил, – надо приходить не только по праздникам». Вспоминались слова Сына Божьего: «Не делай другому того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе». «И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». «Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь». «Входите тесными вратами». «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». «Блаженны чистые сердцем. Больше всего хранимого

храни сердце твое, потому что из него источник жизни». Я был плох, и мои ангелы долго занимались мною. «Подобное притягивает подобное», – говорили они, чтобы объяснить мне, что происходит. Я уединялся. Подолгу бывал один. Но я не был один. Небесные хранители не оставляли меня ни на минуту. И везде устанавливали знаки на моем пути. Началось прозрение. Раскаяние. Катарсис. Очищение. Я чувствовал себя в церкви не только как в доме Отца небесного. Но и как в своем доме. В родном доме. Где хорошо. Где все радует. По-прежнему в собор приходили кликуши, агрессивные старухи, убогие, приходили беззастенчивые, просящие подаяние. Но теперь я не видел их. Они оставались вне моего зрения и сознания. Не раздражали. Не портили благолепия отчего дома. Демоны покидали насиженные места в моем сердце. Им нечего было ловить. Пиявки и присоски, облепившие во множестве мою жизнь, стали отваливаться. Сами собой. Без усилий с моей стороны. Исчезать из поля зрения. Теряли интерес ко мне, забывали обо мне. Потому что я перестал думать о них, думать, как они неправы, мысленно спорить с ними. Перестал вспоминать о них. Перестал притягивать их агрессию. Не смотри хищнику в глаза – не вызовешь агрессии и нападения. Забудь хищника. Пусть он живет своей жизнью. Новые, прекрасные, любящие глаза удалялись. Размывались их очертания. Размывались черты лица. Уже почти не различимы звуки голоса, который прежде казался мне прекрасным. Я ли, в самом деле, тот, кто тянул-

ся ко всему этому? Я ли все это натворил? Как удивительно. Будто бы не я. Я, но другой, прежний.

Наша любовь вернулась. Сразу. Сама собой. Будто и не уходила. Без объяснений. Без упреков. Дни и ночи напролет мы проводили в объятиях друг друга. И земля кружилась. Земля уплывала. Мы были переполнены любовью. Прохожие провожали тебя взглядом. Мужчины разворачивались, чтобы догнать тебя. Ошарашенные, они врезались лбами в водосточные трубы. Запинались о тротуары, падали. Говорили тебе что-то несурзное. словно школьники совали в руку записочки. Потому что ты была прекрасна как в дни своей молодости. Как утренняя звезда, обещающая новый радостный день, дарящая каждому надежду любви. Нет, так и не началась третья моя жизнь. Продолжилась вторая. Она лишь приостановилась на мгновение, словно запнувшись. Чтобы снова устремиться вперед и продолжить свой победоносный путь. Триумф нашей любви.

Не исчерпаны все кладовые, все подарки, что я готовил для тебя. В моих снах снова и снова – волшебные видения прежней жизни. Я должен пережить их еще раз. Наяву. Вместе с тобой. Когда? Не знаю. Я ничего не планирую. Знаю, что непременно эти волнующие моменты наступят. В свой черед. Как бы сами собой.

Мы бродили по пыльной Бухаре, предпочитая её яркому разрисованному Самарканду. В Бухаре слышны разговоры, топот и неторопливые ритмы жизни древних народов. Мы под-

нимались на мыс Горн, чтобы бросить вызов проливу Дрейка и невидимому за ним огромному ледяному континенту. Мы часами стояли, запрокинув голову, чтобы видеть покапывающие вершины Синих гор, трезубцем пробивающих небесную твердь. Мы слушали пение горных исполинов, возносящих благодарственную молитву создателю. Мы бродили по лабиринтам и глубоким ущельям красных гор, где из-за поворотов поднимаются вырубленные в толще скал величественные храмы Петры. Забирались на Киммерийские плоскогорья, источенные изнутри пещерами набожных греков. Окунались в священные воды реки Иордан. Господь, казалось, радовался вместе с нами. Потому что именно для нас он приготовил бесценные дары этого мира.

Мы плавали в горячих подземных реках Туркмении. Над нами летали мыши, а по стенам ползали какие-то бесцветные неповоротливые твари. Купались в известковых ваннах с голубой водой, прилепившихся к кручам Малоазийских гор. Опускались в базальтовые разломы континентальных плит, прикасались к древним, праматеринским породам нашей космической колыбели. Вместе переплывали бешенный горный Варзоб на Памире. Любовались «полетами» гигантского ската, морского дьявола манты, и огромной тихоходной рыбы Наполеон.

Но больше всего запомнилось не это. Мне и нам. Не столь яркое. Не столь экстремальное.

Падающие листья. Мы – у подножья знаменитого дуба.

Которому поэт посвятил строки: «Гляжу ль на дуб уединенный и мыслю: патриарх лесов переживет мой век забвенный, как пережил он век отцов». Весь день мы любовались неяркими осенними пейзажами Псковщины. Кормили лебедей. Пробовали у бабушек на обочинах десятки сортов яблок, лучших яблок России. Слушали бесконечно знакомые и бесконечно любимые стихи. И вот, когда сердце дрогнуло и облилось слезами, наступила тишина. И мы услышали. Как осенние листья отрываются от веток. Это было похоже на еле слышный, вернее – угадываемый, щелчок. Мы внимали тому, как они, качаясь, медленно опускались на мягкую землю, покрытую ветхим одеялом упокоившихся уже листьев. Это было как череда вздохов. И слушали, как они касались упавших собратьев, закончив последний путь, – словно теплый шепот на ночь с пожеланием спокойной ночи. Множество звуков этих сливалось в тихую симфонию осени. Которую может услышать не каждый. Мы умылись музыкой среднерусской природы, сердце очистили стихами поэта поэтов. Мы были готовы. Ты услышала то же, что и я. Ты приняла мой подарок.

Деревянная церковь XIX века. Я позабыл дорогу к ней. Долго блуждали мы по заливчикам и берегам недалеко от маленького карельского городка. И все-таки мы нашли её. Потемневшее дерево. Черное серебро осинового щепы на крышах, куполах и скатах. Ветхие лестницы. Убогий алтарь. Он пел нам какую-то незнакомую и непонятную песню из дале-

кого прошлого нашей страны. Озадаченные, мы вышли из церкви. Отошли немного. И обернулись, чтобы еще раз посмотреть на нее перед отъездом. Церковь стояла в конце полуострова с крутыми берегами. Опять услышали тихое пение – кто это мог петь, чье это было пение? И тут мы всё увидели и поняли. Церковь слилась с крутыми косогорами берегов, падающими к узеньким пляжам огромного как море, уходящего вдаль северного озера. Стройная, неестественно высокая, она продолжала эти берега. На наших глазах она взлетала. Будто мы стали свидетелями вознесения к небесам, Успения Святой Девы Марии. Нет, архитектура – не «застывшая музыка». Такая архитектура – это мощная, живая музыка. Вместе с которой мы улетали к небесам. Вместе с Успенской церковью. Вместе с тобой.

И еще я хочу напомнить тебе о саде Эльфов. Я знал и любил этот сад очень-очень давно. Часто рассказывал тебе. И мы там оказались. Не то, что этот сад неизвестен. Многие в нем бывали. Сад на берегу фьорда. Высоко над обрывом. Создатели сада оставили скульптурные портреты друг друга. Такие, какими они себя видели. Это были летающие люди. Они летали сами. Играли на простых музыкальных инструментах. Летали вместе с богами. Вместе с летающими конями поэзии. Они ныряли и плавали рядом с фантастическими существами, которых уже нет на земле. И все они пели песни. Здесь не было страданий. Все они были воплощением радости бесконечной и неудержимой жизни. Многим нравился

этот сад. Как красиво. Сколько фантазии. И только мы с тобой знали, что это сад Эльфов. Нам повезло говорить с ними. Эльфы приняли нас словно своих. Как нам повезло. Они говорили с нами, минуя слова. И мы понимали их. Удивительно! Они тоже понимали нас. Потому что это был язык любви. Который понятен всем любящим. И для него нет преград.

Много снов есть у меня еще, снов, которые мы пока не посетили, которые нам предстоит пережить вместе наяву. Как много было дано нам с тобой. Спасибо судьбе за это.

Но не всё суждено нам пережить вместе. «Есть в близости людей заветная черта»... Воспоминания, которые я не смогу подарить тебе. Мое смутное военное детство. Темная лестница. Какие-то бревна, почему-то сложенные аккуратно на лестничной площадке. Белый котенок играет среди огромных бревен. Он останавливается. Смотрит на меня. Моя будущая жизнь, и светлая, и беспокойная, всякая, смотрит на меня через его детские звериные глаза. Никак нам с тобой, дорогая, не попасть вместе в то время и туда, где был белоснежный котенок, где был я, маленький Саша. Когда тебя еще не было.

Мне снится огромная коммунальная квартира на Грибной улице. Очень хорошо знаю эту квартиру, каждый закоулок. И где она находится. Я никогда там не был. Даже в детстве, в бессознательном возрасте. Там жили мои родители, когда меня еще не было. Хотел бы пригласить тебя, родная, в эту квартиру. Но это не по силам нашей любви. Пока еще.

Мне снится прекрасное место. У моря. Высокие холмы на берегу теплого моря. Так мне хочется, чтоб мы оказались там. И бросили взгляд на морские дали с этих холмов. Однажды мы с тобой побывали недалеко от этих мест. Даже двинулись в том направлении. Прошли полпути. Тритоновы бухты. Валуны-лягушки, торчащие из воды. Не сложилось. Мы повернули назад. Проходили годы. Сны-воспоминания об этих местах становились все более расплывчатыми. Я начал забывать, где точно они находятся. Помнил только крутые осыпи, уютную бухту и светящиеся каменные ворота недалеко от берега, арку в море, через которую проходят небольшие морские суда.

Однажды мы снова оказались недалеко от этих мест. Я был уверен, что сумею найти дорогу. Пойдем, сказал я тебе. Мы доберемся за два часа, не торопясь. И за два часа вернемся. Нам хватит времени. Нет, сказала ты, мы не успеем. Не получится. Одна молодая женщина, которая слышала от меня о светящихся воротах, сказала: «Пойдемте, покажите мне. Я хотела бы увидеть светящиеся ворота. Мы успеем». «Иди, – сказала ты. – Ты же хочешь дойти до светящихся ворот. А я останусь здесь. Я подожду». Но я не пошел. Мне было неинтересно смотреть на светящиеся ворота без тебя. Это может быть только моим подарком тебе. Вместе смотреть на светящиеся ворота.

Я многое еще сумею тебе подарить, дорогая. Но светящиеся ворота я, видно, уже не подарю. Ворота эти еще приходят

ко мне во снах. Иногда. Они все менее и менее отчетливы. Уже не помню точно, где эти ворота. Как жаль. Прости меня, родная. Моя вина. Наверное, моей любви не хватило, чтобы подарить тебе светящиеся ворота. Пока еще не хватило.

Послания из прошлого

Здравствуйте, мои дорогие!

Вы все давно уехали на Сириус, кто-то – на Альфа Центавра, кто-то в другие галактики.

Вы пишете мне и таким, как я, тем, кто остался на Земле, шлете послания через Связного, а он аккуратно доставляет их мне и таким, как я. Конечно, если бы эти послания доставлялись обычным способом по каналам, работающим со скоростью света, мы узнавали бы о жизни друг друга с огромным опозданием. Но, вы знаете, Связной использует туннельные переходы, червоточины в пространственно-временной решетке, поэтому послания приходят к нам почти сразу, почти без задержки. Но эти «почти» тоже занимают десятки, сотни, а иногда и тысячи лет. И мы читаем письма друг друга все равно с большой задержкой.

Как же долго я не видел вас, не писал, да и ваши письма тоже давно не получал.

Простите меня. Простите, как вы всегда прощали меня, которого вы любите так же, как я вас. Где бы я ни был, что бы я ни делал, я всегда помню и люблю вас так же, как и прежде. И когда мне хорошо, я мысленно делюсь с вами своей радостью, а трудно – я советуюсь с вами, смотрю на себя вашими благородными, прекрасными глазами, и тогда я чувствую – не могу, не должен ошибиться, за все свои дела я отвечаю

перед вами.

Пишу вам вновь, мои родные, близкие, не беспокойтесь обо мне – я жив, я такой же, как и раньше, и с каждым днем я люблю вас все сильнее.

Что я делал все это время? Утром, как обычно, прыгаю через пропасти, швыряю скалы. Разве вы не читали обо мне? Я недавно летал на Луну, нашел формулу РНК и сделал пересадку сердца одному несчастному. Разве в Эрмитаже не висят мои «Возвращение блудного сына» и «Портрет актрисы»? А вы читали «Крейцерову сонату» и «Рамаюну»? Это для вас. И еще многое я должен сделать, чтобы не краснеть от стыда при встрече с вами. Но придет время, и мы почувствуем, что не можем больше быть врозь и соберемся. Будем смотреть друг на друга, наши глаза будут сиять. Обнимемся. Каждый из нас скажет: «Ну, слава богу, все плохое позади, мы вместе». Это будет.

Простите за все, ваш Землянин.

* * *

Я свободен. Я не представлял, что это такое. Знаете, какое мое счастье? – я смеюсь и плачу, и щеки у меня – мокрые от слез.

Буду писать вам о прошлом. О том, как мы все оставшиеся на Земле, жили раньше.

Однажды я сидел в Екатерининском садике и ждал сво-

его друга, не буду называть его имени – это неважно. Там тяжелые скамейки вокруг большого шишковатого железного памятника, пристойные клумбы и праздная публика, греющаяся под лучами осеннего солнца. Этих праздных много, много и голубей, и, пожалуй, к середине дня стало тесновато на этом популярном пятачке.

Когда подслеповатая старушка в ботинках с распущенными шнурками бросила своим «гулям» очередную горсть хлебных крошек, из-за пухлой железной Екатерины, описав полукруг, вылетел и хлопотливо завершил посадку новый сизарь. Когда он оказался на земле рядом со своей родней, я почувствовал легкое подташнивание и холодок, пробежавший по спине.

Голубь размером с крупного петуха, переваливаясь на мощных лапах, врезался в самую гущу голубиного стада и, едва опробовав хлебных крошек, тут же бросился отгонять соседей. После нескольких могучих ударов новичка стая взвилась в воздух, оставив на песке два трупика с пробитыми черепами и вытекшими глазами. Новичок тоже взлетел и некоторое время сопровождал стаю, невинно поклевывая соседей, отчего те переворачивались в воздухе и падали замертво. Сочтя миссию устрашения частично исполненной, он вернулся на землю и поспешно собрал клювиком все оставшиеся крошки.

Подслеповатая старушка, добровольный голубиный шеф-повар, не поняв, что произошло, стала с воплями «гу-

ля-гуля-гуля-гуля» и причитаниями типа «кушай-кушай-кушай-кушай» подбрасывать ему хлебушек, отщипывая кусочки от буханки. Съев очередную пригоршню хлеба, гость быстро осмотрел бабку и, оценив ситуацию, взлетел и вырвал у нее из рук остаток буханки. Оттащив ее подальше – на клумбу с большими красными цветами, он устроил там пиршество, в мгновение ока разорвал и проглотил хлеб и вернулся к своей ветхозаветной бабке, оставив вытоптанной поляну, покрытую раздавленными мясистыми стеблями и лепестками цветов.

Так как новый осмотр бабки ничего не дал, «голубок» принялся за ее ботинок и, причем так рьяно, что носок ботинка мгновенно исчез, и бабка с воплями помчалась в сторону Александрийского театра, вызывая восторг и шумное одобрение прыщавых балбесов, постоянно обретавшихся в этом садике, и женщин инстинктивного поведения, фланирующих в поисках какой-никакой клиентуры.

Откуда-то появились еще четыре аномальных голубя, видимо, приятели нашего хулигана, и принялись за клумбу, в течение нескольких минут съев и растоптав ее содержимое. Никого из отдохавших на скамейках не удивили размеры голубей, но поведение их, конечно, было замечено и возмутило многих, особенно пожилых. Убеленные сединами указывали на них палками и зонтиками и громко осуждали, увязывая это почему-то со своими былыми заслугами.

Мне трудно вспоминать об этом времени, но я должен на-

писать вам, чтобы исповедью облегчить душу.

Над головой кричащего господина появился комар величиной с мой портфель. Его, видимо, привлекло сильное тепловое излучение головы праведника. Комар покружил над его лысиной и мирно присел. Пока он приводил себя в порядок, я смог его разглядеть. Туловище и конечности насекомого были покрыты длинными, редкими волосками в желтоватых росинках ядовитых испарений. Комар был настроен весьма миролюбиво, но, так как праведник не унимался, бешено тряс головой и размахивал руками, животное неожиданно заинтересовалось тем, на чем оно сидело, и, любопытно покручивая головой, как воробей перед тем, как клюнуть семечко, стало почесывать лапками свое гигантское, толщиной с карандаш, острое жало. Потом деловито усевшись, тщательно нацелилось жалом на середину блестящей, круглой лысины, напоминая при этом бурильную установку, и стало медленно вводить жало в голову. Брызнула кровь, и жуткий вой пенсионера наполнил садик. Зрители с любопытством наблюдали еще одну убегающую за занавес фигуру, а испуганное насекомое обиженно заметалось между листьями деревьев.

Что бы это могло значить? – размышлял я по пути домой. Соседи по общественному транспорту рассказывали в это время друг другу о том, что в связи с необыкновенной солнечной активностью появилось множество мутантов – животных огромного размера.

Позже я узнал, что в метро развелись гигантские неуловимые пауки, которые выскакивали из туннеля, рассматривали толпы суесящихся людей, переглядывались, показывали что-то друг другу мохнатыми лапами и дико хохотали. При попытке поймать их с поезда уносились по потолку и стенам – с воем и хохотом – и исчезали в бесконечно разветвляющихся тоннелях метрополитена. Стены туннелей и станций еще долгое время реверберировали после их криков и многократным эхом отдавали назад рокот и гудение неуловимого паучиного племени.

Пауки выглядели веселыми. Где они жили и чем питались неизвестно, но они производили впечатление счастливых животных.

Однажды рано утром группа работников метро застала семью гигантских пауков, пестующих своих малышей. Взрослые пауки тут же собрали свои сети, спрятались в туннель и начали с восторгом рассматривать пришедших, а их маленькие детки покатывались от смеха, из их глаз текли слезы, а некоторые из малышей описались.

Наибольший интерес у пауков вызывали столпотворения в часы пик. Они следили за толпами, атакующими вагоны метро, – так, как следят за спортивными состязаниями. Кричали, улюлюкали, вращали трещотки и, засунув когти передних лап в морщинистые рты, издавали пронзительный свист. Интерес их к работе метрополитена в эти часы был огромен. Иногда они залезали на поезда, в окна появлялись их

мохнатые лапы, а потом и счастливые хохочущие рожи. Пауки облепляли буквально все потолки, светильники, люстры, стены и колонны и расходились только тогда, когда в поездах становилось свободно. Часть из них уходила своим ходом явно нехотя, часть – плюхалась на крыши поездов и разъезжалась по им одним только ведомым маршрутам.

Большой интерес вызывали у пауков также и пьяные. Животные устраивали хоровод вокруг захмелевшего гуляки, горланили и кружили его, одобрительно кричали при каждом его падении. Любимым их развлечением было снять штаны с мертвецки пьяного и положить его, полуголого, спать на собственную одежду.

В газетах того времени писали об удивительных случаях мутации. Западная публика была, по-видимому, заинтригована и скандализирована.

Из Лох-Несса, наконец, вышло давно разыскиваемое чудовище с многочисленным потомством. Экзотическое семейство расположилось загорать на самом фешенебельном пляже, помяв и раскидав его легкие постройки, открыло солнцу свои бледные животы и принялось истерически хохотать и плакать. Записи их голосов, сделанные отважными журналистами, разошлись миллионными тиражами и завоевали дискотеки того времени.

В жарких странах появились полупудовые жуки, летающие с воем и скоростью ракетных снарядов и разбивающие

по своей глупости окна и глиняные стены. Неугомонные мальчишки разыскивали ползающих жуков, переворачивали их палками и избивали, ломая хитиновые ножки и надкрылья. На новой пище процветали крупные пернатые, волки, шакалы и другая непрехотливая лесная братия.

Вновь откуда-то появились исчезнувшие было могучие красные волки. Сообщалось, что ожидается миграция на север африканских слонов и буйволов, среди которых появились большие семьи волосатых животных с сильно развитыми бивнями, а также волосатых быков, напоминающих бизонов внешнеюстью, но далеко не нравом – резвых, буйных и агрессивных.

Из Японии и Китая приходили сказочные сообщения, воскрешающие древний фольклор об огненной мышке – диковинном звере, величиной с теленка, живущем в огне и горячих озерах кратеров, с температурой тела, по предположению восточных ученых, около восьмидесяти градусов и необыкновенно красивой красно-синей длинной шерстью, которую можно чистить огненной струей. Зверь этот обладал якобы необыкновенной подвижностью и был практически неуязвим для самых грозных представителей фауны этих стран.

Отечественные газеты давали осторожные комментарии этих событий, подчеркивая недостоверный и преувеличенный характер большинства зарубежных сообщений. Ученые призывали осторожно и вдумчиво изучать отдельные фак-

ты. Полемиические страницы «Литературной газеты» будоражили публику названиями «Взрыв природы», «Бунт животных», «Цивилизации придется потесниться». Картина необычных изменений природы сравнивалась с нашествием варваров на Рим. Все чаще стали появляться картины с изображением львов, отдыхающих между античными колоннами.

Несмотря на призывы к спокойствию и уверения печати о том, что ничего существенно нового не происходит, в нашей северной столице любой горожанин мог наблюдать необычные изменения. Откуда-то на улицах стали появляться большие стаи беспризорных животных, в основном собак, в обществе которых почему-то часто встречались и группы кошек, занимавших, видимо, определенное место в этих семьях. В стаях было много очень крупных особей, особенно поражали величиной коты. Стаи вели себя необычно. Несмотря на естественную осторожность беспризорных животных, в их поведении было что-то принципиально новое. Они зорко и осмысленно осматривали окружающих, двигались стремительно и напоминали хорошо организованный военный отряд, неожиданно появляющийся и так же быстро исчезающий. Вскоре выяснился и способ их существования – разбойные нападения на магазины, продовольственные базы и склады, как бы заранее подготовленные, дерзкие и молниеносные. Они кстати стали главными врагами голубей, о которых я вам писал. Отдыхали они в пригородах и на обширных пустырях районов новостроек. Обыватель спо-

койно относился к этим нашествиям, ощущая, видимо, свою безопасность. Бродяги не нападали на горожан. Бывали случаи, когда они останавливали и окружали одиночных прохожих, – это случалось, как правило, поздно ночью при жирном свете фонарей – обнюхивали и осматривали, без особого, впрочем, интереса, и, поочередно побрызгав на объект своего изучения, уходили. Если в стае были кошки, то последние проявляли меньше заинтересованности в обследовании подвернувшейся под руки – под лапы? – человеческой особи и предпочитали держаться в стороне. Поведение животных было настолько спокойным, что не вызывало страха и раздражения и лишь в некоторых случаях становилось причиной недолгого удивления с примесью легкого конфуза случайных свидетелей.

На палисадниках в отдельных частях города выросла удивительная трава с жесткими как иглы дикобраза стеблями. Трава росла буйно и беспокойно, вытесняя другие чахлые виды растительности, выдавливая вверх деревья, вспучивая и разрыхляя асфальт, протыкая покрышки автомобильных шин и парализуя транспорт во многих районах.

На Лесном проспекте неожиданно сломалось пополам здание очень солидной конторы, образовав гигантские трещины, подрывающие деятельность важнейших служб, занятых противодействием и борьбой с утечкой информации. Перелом произошел вследствие поднятия центральной части фасада здания из-за вспучивания почвы под фундамен-

том. При вскрытии фундамента под ним было обнаружено семейство необычных, до метра в диаметре, очень прочных грибов. Грибницу уничтожить не удалось, и здание, готовое превратиться в руины, пришлось бросить. Какой-то человек под покровом ночи тайно откопал один гриб, в рюкзаке принес домой, отрезал кусок, пожарил его и, употребив с водочкой, нашел его вкус недурственным. По прошествии некоторого времени после потребления грибного продукта с этим человеком случились большие изменения. Он стал задумчив, медлителен, почти не реагировал на окружающих и впал в какую-то неподвижную окаменелость. Что бы ни спрашивали, от него не могли добиться никакого ответа, а, если просили подписать какую-нибудь бумагу и всовывали ему в пальцы ручку, он столь медленно вел свою подпись, что дождаться окончания написания больше одной-двух букв никто не мог. На лице его застыло выражение постоянного одеревеневшего удивления. Когда подписанную бумагу и ручку убирали, он долго смотрел на свою руку, пытаясь сообразить, что же случилось и куда все это подевалось. Видимо, время для него с каждым днем шло все медленней и медленней, пока и вовсе не остановилось, окружающих он теперь совсем не замечал, и, наверное, ему суждено было увидеть далекие грядущие века, явив собой пример чрезвычайно поучительный и возможно даже полезный, если б им заинтересовались и взяли его под охрану отцы города и медицинские ведомства. Но это был столь мелкий эпизод на фоне всего проис-

ходящего, что им вообще никто не заинтересовался.

А изменения и новости поступали со всех сторон.

Какой-то гигантский вьюн обвил телевышку, и передачи прекратились. Бригада верхолазов, вознамерившихся очистить вышку от зловредного растения, была опутана щупальцами и съедена его хищными цветами. Вьюн развивался и превратил башню в гигантский зеленый кокон, башня рухнула, телестудия была ликвидирована, а штат упразднен.

По неизвестным причинам была прервана радиосвязь, а газеты с привычно убогими сообщениями стали приходиться с большими перебоями. По дорогам вместе с машинами перемещались большие стада и стаи животных: антилопы, гепарды, собаки. Они двигались быстро, сосредоточенно и подловому. При заторах и на перекрестках обходили автомашины или, пользуясь своей маневренностью, перебирались через кузова, кабины и капоты. Звери не трогали людей, но и не позволяли фамильярничать с собой. Их образ жизни и цели миграций оставались загадкой.

Нельзя сказать, что жизнь стала разрушаться. В эти годы были особенно хорошие урожаи овощей, фруктов, повысилось качество молочных, хлебных и других продуктов. В изобилии родился лен и хлопок. Уменьшилось только количество мяса. Животные покидали пастбища, уходили в глухие места, и собаки, возможно, помогали им в этом. Козлы-забойщики саботировали свою подлую деятельность на мясокомбинатах, и забой животных стал довольно проблем-

НЫМ.

Похоже было на то, что мать-природа развернула планомерную и обширную деятельность по пересмотру того, какие свои милости оставить человеку, какие – отобрать. Домашние животные по-прежнему сохраняли лояльность к своим хозяевам, но, судя по всему, год от года возрастало их критическое отношение к своим владельцам, и, видимо, у животных появилась своя, достаточно серьезная жизнь. Они собирались на молчаливые сходки, долго сидели и, возможно, о чем-то мысленно разговаривали, после чего расходились с большим удовлетворением от всего происшедшего. Дворовые собаки перестали лаять на прохожих и гоняться за машинами и мотоциклами.

Известен эпизод, случившийся в одном из черноморских городов и наблюдавшийся многими его жителями, отдохнувшими в это время на вечерних пляжах. Большая стая собак выплыла на гряде удаленных от берега скал, вблизи которых их поджидала группа дельфинов. Животные долго рассматривали друг друга. Собаки возбужденно повизгивали и слушали тихий свист дельфинов. Неизвестно, о чем они могли договариваться, однако в Черном море стали наблюдаться случаи, когда дельфины уводили плотные косяки рыбы прямо из-под носа рыбаков.

В течение недели проросли и зацвели шпалы вдоль всей линии Октябрьской железной дороги. Поезда остановились. Обсуждался вопрос, что легче – очистить бойкие шпалы, уже

пустившие корни, или полностью их заменить. Были опасения, что будет, если то же произойдет и на других линиях. К счастью, многие необычные явления, проявившиеся в те годы, носили скорее локальный характер.

В морях, реках, в воздухе и на земле происходило что-то важное. Люди впервые почувствовали себя не самыми главными, не у дел, что-то очень серьезное решалось без их участия. Чистые и сильные духом собирались и уходили из городов и деревень. Никто не знал, какая судьба их ждет. Малодушные жили в привычном ритме, закрывали на все глаза и заглушали чувство обездоленности привычными способами.

В то время я жил как во сне. Мне часто казалось, что все это видения, миражи, и можно управлять ими по собственному желанию. Однажды, когда было особенно грустно, в ярко-голубом небе я увидел ослепительно белого лебедя. Он медленно плыл, взмахивая крыльями и перебирая четырьмя громадными пушистыми белыми львиными лапами; наблюдая его, я одновременно ощущал, что он – это я, и дух захватывало от высоты.

Обычно близорукий, я будто бы прозрел, незамысловатые городские перспективы виделись с необычной ясностью и своей неестественной яркостью напоминали журнальные фотографии. Воздух словно выкачали, и штукатурка удаленных зданий различалась так же четко, как складки кожи на собственных руках.

Мимо прошел автобус, громыхнув на ухабе и выпустив желтое облако. На асфальте осел влажный, ядовитый след от его выхлопа. Улицы были пусты. Город вымер, не было – ни людей, ни животных, ни машин. Тишину нарушало только шуршание одинокого удаляющегося автобуса.

Неподалеку от большой площади я встретил первого прохожего – калеку, бодро прыгающего на костылях. Меня поразило его лицо. Это было лицо знакомого, но изменившееся таким образом, что эти изменения невозможно было почувствовать, и в то же время определенно ощущалось, что это лицо другого человека. По спине пробежали мурашки – казалось, что кто-то чужой надел на себя маску лица знакомого мне человека. Я остановился перед калекой, намереваясь спросить, что с ним случилось и куда подевались его ноги. Тот, чувствуя мое замешательство, угрюмо осмотрел меня и, насмешливо бросив: «что? на кого-то похож?», уверенно застучал костылями и двинулся дальше.

С площади доносился топот толпы. Все спешили куда-то с напряженными лицами. Дети, взрослые и старики... Наталкивались друг на друга, бежали в разных направлениях. Потoki людей наводнили всю площадь, и отдельные попавшие туда автомобили, брошенные своими хозяевами, помятые, с выбитыми стеклами, захлестываемые ползущими, бегущими, переползающими через них существами, теряющими уже человеческий облик, напоминали трупы больших животных, плавающие в пене и сутолоке морских волн. Лю-

ди с размаху налетали на стены, давили водосточные трубы, разбивали витрины и собственные носы и лбы, с плачем и стонами опускались на землю. Окна домов, выходящие на площадь, были открыты, у окон сидели люди, миролюбиво разглядывая и неторопливо обсуждая разворачивающиеся события.

Несколько человек подбежало ко мне.

Что уставился, наглец? Вынюхиваешь, хочешь подвести всех нас под монастырь? Я знаю его – он всегда лезет без очереди. Это, наверное, он вчера избивал старика... Что уставился – думаешь, тебя кто-нибудь боится? Он всегда нас преследует и шпионит за нами... Он соблазнил дочь моего соседа, ей всего шестнадцать лет, а он отказался жениться.

Они наступали, размахивали руками.

Ты из тех, кто всегда недоволен, тебе всегда всего мало, тебе подай и то, и это. А сам живешь припеваючи... за наш счет... Ему всех нужно обойти и пролезть первым. С этим человеком нужно быть поосторожней... Он не понимает, что мы его друзья и желаем ему добра, а если б он попал в другие руки, к тем, кто не знает, что такое человечность и порядочность... Да, с этими людьми нельзя иметь дело...

Дети, стоящие в толпе, смотрели на меня с любопытством, один подошел поближе, погладил меня по руке: «не расстраивайся, дяденька, я знаю, что ты хороший», потом нагнулся, поднял кусок кирпича и свирепо бросил в меня, целя в голову. Камень врезался в стену и отскочил, больно ударив

по ноге. Всю дорогу домой за мной кто-нибудь шел, как бы проверяя, не наделаю ли я каких-нибудь безобразий.

Я долго не мог уснуть, за окнами гудели разговоры, подходили и уходили группы людей и раздраженно обсуждали мое поведение, недовольно поглядывая в сторону моего дома. Когда кто-нибудь, особенно возбужденный, требовал, чтобы я вышел, что он хочет поговорить со мной, его удерживали, уговаривали, это-де совершенно бесполезно, и «он», то есть я, все равно ничего не поймет.

Что я чувствовал в это время? Я думал о том, что виноват перед ними всеми, и каждый из них лучше меня, но осуждают они меня не за то, в чем действительно моя вина, и осуждают несправедливо. У меня горела голова от стыда за себя и за них, билось сердце, отдаваясь стуком в ушах, и я не мог представить, как и когда кончится это мучение.

Мог ли я тогда предположить, что тучи рассеются и солнце заполнит всю мою жизнь? Я и сейчас не знаю, как это могло произойти, куда исчезли эти множасьщиеся цепи страданий и кто искупил вину мою и многих других. Но я знаю, что однажды наступило утро моего пробуждения, и я увидел... Увидел, что все стали свободны.

Простите за все, ваш Землянин.

* * *

И опять я утром иду по городу.

Никого. На тротуары и мостовые нанесло песку... Отдельные дома стоят «по пояс» в барханах. Та же прозрачность воздуха. По пути к центру встречаются фыркающие и шуршащие машины, деловито и без помощи людей отрывающие полужасыпанные дома. Видимо, в этом городе уже мало кто живет. Несмотря на пустынную пейзажа, город не кажется заброшенным, на всем лежит печать чьей-то далекой заботы и любовной аккуратности. Улицы, полностью очищенные от песка, – есть и такие – блестят чистыми окнами и умытым асфальтом. Знаменитый собор Бартоломео Растрелли издали поражает завершенностью замысла: рядом с летящими куполами взвилась к небесам стремительная колокольня, постройку которой в свое время так и не удалось осуществить великому зодчему. Нашлись бережные руки, вложившие дерзкие мечты предков в современные конструкции.

Лихо подкатил пустой, проветренный троллейбус, повез меня по новым мостам и проспектам, со свистом – через проезд под Невой, под летящим собором, мимо железнодорожных платформ – пригородных пересадок с метро на курортные поезда, мимо прежних раздумий, разговоров, мимо нового, того, что уже знал раньше и теперь уже не удивляющего. Знакомства с хмурыми, широкоплечими коротышками и пятиметровыми веселыми гигантами, одним движением руки легко переворачивающими тракторы и экскаваторы.

Все мои друзья за прошедшие сотни лет перекочевали на

Черное и Средиземное моря; там теплее, там ласковое солнце и соленое море. На берегу моря они вспоминают свои прошлые жизни, очень давние, в рыбьих образах, на дне, среди водорослей, забытые жизни, постепенно растворившиеся в теплой лимфе планеты. Измученная земля, оставленная неблагодарным племенем людей, заросла дикими лесами; на перекрестках редких дорог теперь шатаются стада диких зверей, пьяных от сознания своей причастности к разумной жизни. В сохранившиеся крупные города приходят провинциальные газеты из звериных поселков «Волчий сын», «Медвежий угол», «Зубр»... Наивным письмом плетутся истории и легенды зарождающихся новейших культур и цивилизаций проснувшегося от спячки животного царства. Разгораются словесные бои, выясняющие правду – «нам нужна правда, одна только правда» – о возможности вегетарианства у хищников и безнравственности животноводства, о животнo-ориентированном дизайне, о философиях леса, противостоящих человеческим философиям Востока и Запада. Природа проснулась, и человек снова занял в ней лишь некоторой важности место, не слишком маленькое, но и не особо выдающееся – ровно такое, какого он достоин на самом деле.

Чувствую, что наша встреча состоится уже совсем скоро. Любящий вас, ваш Землянин.

На краю бездны

Когда уходит близкий человек, кажется, что на мгновение заглядываешь вместе с ним за край жизни и невольно задаешься вопросом – а что действительно важно для нас, для тех, кто остался?

Это было сродни помешательству

Это было сродни помешательству, он был как пьяный. Пьян, но не настолько, чтобы не понимать: его дом, дом его жизни рассыпался, разлетелся, вдребезги разбился.

Внутри него размещалось столько разнообразных вещей – понятия, слова, воспоминания, танцевальные па, ощущение прекрасной женщины, примы, которую он гордо несет на выпрямленной руке под аплодисменты зала, электронные компоненты, чудные книги, которые он проглатывал целиком, складывал как птица в зоб, а потом отрывивал и разбирал по словам и слогам, пробовал на вкус порциями, смакуя каждый отдельный кусок.

Семья, дочь, бизнес... Еще совсем недавно все это было так тщательно разложено, распределено, все знало свое место. И вот теперь перемешалось. На чердаке, на полу, на ан-

тресолях, под кроватью, на потолке плавали и сияли осколки вечной вселенной, звучала бравурная музыка...

Рваные балетные пачки, старые пуанты, крошечные трусики с тампонами, грязные кровавые пятна, все это вперемишку с виниловыми пластинками, спутанными магнитофонными лентами, кусочки барышниковского танца «Вестрис¹», одноглазые Аримаспы² бились с Нефелибатами³, слова со словами, сколопендры глубоко под землей бились в своих земляных норах с ужасными, жестокими медведками.

«Символ веры» свивался жгутами с блатной лирикой Розенбаума, сухие юридические нормы – с чьим-то любовным лепетом, образы Андрея Рублева и братьев Дионисиев – с отвратительными рожами братков, музыка Шнитке с «гоц-тоц, Зоя, а ты давала стоя, в чулочках, что тебе-е-е я подар-и-и-ил».

И огромные яростные лица женщин с алыми ртами. И морды котов с бешеными клыками и колючими зрачками, узкими вертикальными черными зрачками, рассекающими все видимое и невидимое – смотрите, смотрите через нас в

¹ «Вестрис» – балетная миниатюра, созданная в 1969 году балетмейстером Леонидом Якобсоном для танцовщика Михаила Барышникова на музыку Геннадия Баншикова.

² Аримаспы – мифический народ на крайнем северо-востоке древнего мира. По Геродоту, это были одноглазые люди (что и означает слово «аримасп» на скифском языке).

³ Нефелибаты – шествующие по облакам (греч.), слово, заимствованное у Аристофана.

другой мир, а попался, дружок, – нет, это он, другой, чужой, враждебный мир смотрит на тебя из четвертых, пятых, шестых измерений через эти зрачки. Вперемешку, вперемешку... Беспорядок царил, правил, повелевал, растекался потоками, размазывался по стенам, потолку, волосы, кругом волосы, грязные невымытые патлы, стеклянные глаза заполняют пространство, какие-то документы, факсимиле, всё в ржавых пятнах.

Тарелки с отбитыми краями и остывшим супом. В супе – сваренная, не полностью ошипанная несчастная крыса с закрытыми глазами, будто спящая, – какие у нее красивые ресницы! – и длинные спутанные волосы.

На столе – опять трусики, гнилая картошка, грязные бинты, отрезанный палец с обгрызенным ногтем – какой-то знакомый палец, чей это может быть палец?

Все разрасталось, взбухало, булькало, испускало смрад, пуфф-гриб выбрасывал желтоватые споры, все сливалось и превращалось в чудовищную музыку. Это, наверное, великий Прокофьев – он шлет привет будущим поколениям – марш Монтекки и Капулетти: «Эй, вы, ну-ка попробуйте, сможете как я?»

Нет, это какофония, вызов ухоженным квартирам родственников – боже, какая тоска видеть этих правильных, безупречных родственников, умеющих все объяснить и потребовать... Да, потребовать! Ведь есть еще вечные истины, черт побери!

Здесь бродило прошлое, искало пуговицу от рубашки и находило только мышиные горошки.

Настоящее – ему надо было побриться, нельзя же небритым, надо встречаться с людьми, настоящее пыталось бриться крышкой от консервной банки, потому что бритву кто-то закопал в горшок под корни пахистахиса.

Время крутилось, носилось взад и вперед, то и дело переставляя местами события, которые по очереди становились то причиной, то следствием. А он, Руслан, тяжело дышал, он думал, что живет до безумия остро, дышит полной грудью, созерцая весь этот беспорядок. Потому что беспорядок в его чувствах и мыслях и был подлинным порядком. Именно посреди этого бедлама он чувствовал себя настоящим, чувствовал, что он, наконец, свободен, что может и должен сделать то, что можно и должно сделать. Уйти через безумие, чтобы обрести рассудок. Принять единственно верное решение.

Тогда-то он и решил, что поедет за Лизой. Станет ее тенью. Забросит все к чертям собачьим. Только бы быть рядом. Ловить на улице. Видеть издали. Писать на тротуаре: “I ♥ Liza”. Наклеивать на ее машину стикеры «Обожаю офтальмологию!» или что-то в этом духе.

Передал бизнес Наталье. Взял какие-то деньги. Ничего не объяснял. Жена, теща, тесть – с ними ничего не обсуждалось. Объявил, что уезжает в Париж по делам, на сколько – неизвестно. Теща покрутила пальцем у виска и громко ска-

зала: «Крыша поехала!»»

Смерть Арона

Арон умирал. На громоздкой реанимационной конструкции – кроватью ее никак не назовешь – лежал худой, небритый старик с огромным горбатым носом, глубоко посаженными глазами хищной птицы и большими грубыми ладонями. Старик? Да нет, он еще не был стариком – всего пятьдесят с небольшим. Узкая талия и широкие костистые плечи выдавали в нем физически очень сильного в недавнем прошлом человека.

Как это случилось? Почему так рано ухожу? До сих пор твердею от прикосновения молоденькой сестрички, а уже в путь-дорогу. Путь-то далекий, наверное, и нелегкий.

Скорей всего, сам виноват. Живот болит уже несколько лет. И кровь в кашке. Думать надо было. Обследоваться, лечиться. Вообще-то был у врача. Спиртного не пить, мясо не есть, с женщинами – ни-ни. Что за жизнь?

Я, конечно, несправедливый еврей. Водку пью, свининой закусываю, и до женской породы охоч. У евреев, вообще-то, все мужчины ходоки. Абрамчик, правда, Дорин муж, похоже, не ходок. Весь в семье да в работе. Все равно, неправильный я еврей. Идиш не знаю, мат-перемат на каждом шагу. В синагоге был только пару раз – и то в молодые годы. Ходил с девочками знакомиться, танцевал, пил в мороз водку из горла, в бутылочку играл. В общем, не набожный я. Что такое

Тора – знать не знаю, в глаза не видел. Отец всегда лупцевал меня... Лупцевал не лупцевал – все равно, зачем мне Тора? Жизнь и без Тору хороша... Если и есть Яхве, то он ведь все уже сделал для человека: вкусная еда, хорошая выпивка, а самое сладкое – это русские бабы – вот уж ешь, не хочю.

В общем, не пить, не курить – само собой – и это нельзя, и то... Я, конечно, обещал. «Конечно, доктор, я понимаю, доктор, обязательно, доктор». И три года назад, и год... И полгода с небольшим – тоже. Тогда вообще доктор строго мне выговаривал. Таблетки прописал.

А я что? – таблетки съел и опять к Ляльке. Сколько ей сейчас – тридцать, тридцать пять? Почти на 20 лет младше Сени. Сеня, конечно, мой друг и однокашник, но разве я виноват, что у него с женой ничего не получается? Так она мне сказала. Наверное, правду сказала. Иначе не бросалась бы на меня. «А ну, Арончик, старичок, покажи, на что способна старая гвардия». У нас с ней, конечно, не любовь. Я ей на фиг не нужен, только ради этого... Она мне тоже – обычная лярва, у меня таких сколь угодно было. Нет, какая я все-таки дрянь, – хорошая Лялька женщина, всей душой ко мне. И собой хороша, бестия! У нас с ней как бы соперничество. Кто над кем верх возьмет.

Только почему-то я всегда верх брал. Она говорила обычно: «Ну ладно, Арончик. Сегодня я слабину дала. Следующий раз, держись, живой от меня не уйдешь». А тогда – как в воду глядела. Не было следующего раза, схватило меня –

сил нет. Кровища из задницы так и хлещет.

Увезли по скорой. Сразу на операционный стол, отхватили половину кишечника. Может, и больше. Говорят – поздно приехал. Советская медицина – лучшая в мире. Сказали, что кишки вырезали, а все одно – зря. Зашили и все. Так и сказали: «Не жилец ты, Арон Семенович, извини».

Пища уже не проходит, непроходимость кишечника. Боль страшная, с каждым днем все сильнее. Сил нет терпеть. Морфий колют. Боль отходит часа на четыре, полегче становится. Если не сплю, все думаю, думаю. Сколько мне осталось? Дня три-четыре. А может, и один – сегодня, и все. В дорогу собираюсь. Что за скандал за дверью, кто там кричит снаружи?

«Пустите, пустите! Как это нельзя в реанимацию? Человек умирает. Как это невозможно? – я должна его увидеть». «Дочка с женой уже были, ты-то кто?» «Кто, кто? – дед Пихто. Да пустите вы меня, черствые люди. Все равно пройду».

В палату ворвалась молодая женщина, светлая, в легком платье, в потоках солнечных лучей и воздуха, просто какая-то светящаяся комета. Кинулась на колени у больничной конструкции, схватила за руку умирающего: «Дядюшка, дядюшка, да как же это? Нет, нет, вы не умирайте, не может этого быть, мы только-только познакомились, и двух месяцев нет, нет, нет, этого не может быть».

– Не плачь, дочка. Боб-то знает, что ты здесь? Не знает... Вижу, ты такая, все сама, сама. Хорошую девчонку племяш

отхватил. Я б такую встретил в молодости – может, вся жизнь пошла бы иначе. Да нет, что я говорю – у каждого своя судьба, а такая, как ты, не пошла бы со мной. Боб – совсем другое дело. Я-то с малолетства по блатным компаниям. А там что? – водка, карты, бабы. Ты не думай – ни скокарем, ни щипачем я не был, не формазонил, не бакланил... ничего не было такого. Но дружил с этими... Ростовская шпана, – дружил, а как иначе? – мои соседи, друзья детства. Учился в техникуме, но это так, между прочим. Подрабатывал на бильярде – нет, шулером не был, просто играл хорошо. Операцию мог повернуть, левый товар толкнуть, денежку заработать. Одевался с иголки, да ты видела мои фотографии. Тогда же и усики завел. Теперь говорят – как у Гитлера, поздно мне уже привычки менять.

Лихой я был парень. Как Галю свою встретил в компании, пригласил потанцевать. Она влюбилась с первого взгляда. Красивая была, да и сейчас красивая. Самая красивая. Хоть и растолстела с годами. А лицо и сейчас красивое. Даже сегодня, когда приходила с дочкой, плакала, кричала, надрывалась: «не уходи, Арончик, не уходи», а все одно – красивая...

Дочь Света не очень получилась, на меня похожа – поджарая, длинноногая, с моим шнобелем – сама посуди, чей еще у нее может быть шнобель? А Галя красивая. Галочка у меня самая красивая. Бегал я, конечно, много, не сиделось на одном месте. Запой по несколько дней... Друзья находили ме-

ня в городе, приводили домой. А она ждала. Плакала, убивалась, ждала, а потом приводила в чувство. Все мне прощала и сейчас прощает.

Что не сиделось? Жилплощадь есть, это в наши времена – будь здоров! Работа неплохая, фабрика моя сантехнику клепает, унитазаы, раковины, и заработок хороший. На это всегда спрос будет, как без отхожего места жить? – вот и спрос. И семья у меня – дай бог каждому. А жена... Лучше моей Гали никого нет. А чего бегал? Такая натура у меня подлая.

Да нет, дочка, не только в этом... Куда ни кинь – дурной я человек.

Умирать? Нет, умирать не страшно. Ты, наверное, думаешь, я в ад попаду? Нет никакого ада. Это у меня вся жизнь была адом, сам его и создавал – вот этими вот руками. И для себя. И для Гали моей, и для дочки.

Думаешь, я Галю не люблю? С первого взгляда полюбил ее. Такая чистая девочка, такая добрая. Женщин-то у меня много было. И до, и после женитьбы. Она одна любила меня по-настоящему. Как же я мог не ответить на ее чувство? Просто души в ней не чаял, а сейчас – тем более.

Нет, смерти я не боюсь. Боюсь только, как Галя без меня жить будет. И дочка. Вы с Бобом их не бросайте.

– Что же, дядюшка, вы считаете – смерть и все, и ничего больше? А как же Бог?

– Какой бог, твой православный, что ли, или мой еврейский? Не знаю я. Что-то, наверное, есть. Ну, решили, что бог

это... Называют так. Это все не по силам нашему человеческому уму. Насчет бога не знаю. Не видел его. Говорят, есть люди, к кому приходил. Ко мне – нет, точно не приходил. Ни бог, ни ангел. Не заслужил, видно, высокого посещения. Черти тоже не приходили. Нет, тут я, пожалуй, вру, дочка. Говорят, ведь, «напился до чертиков», верно говорят, бывало у меня и такое. Как допьешься до точки, всюду черти мерещатся.

А, ты про смерть... Я, конечно, не мыслитель какой-нибудь. Хотя народ наш умным считается. Аарон – первый еврейский священник... Но я-то не особенно умный, хоть и Арон. Обычный человек, природный что ли. Какова моя природа, так я и жил.

Но ты все-таки послушай меня. Это же так просто.

Вот человек умирает. Человек или собака, или какое другое животное, к примеру. Тело из молекул состоит, из атомов. Что, они тоже умирают? Нет, ничего такого с ними не происходит. Молекулы – не знаю, а атомы точно никуда не исчезают. Атомы, как кирпичики, они атомами и остаются. Уходят в землю, в воду попадают, растениями подхватываются, в новой жизни участвуют. Чувствуют себя при деле. Атом главную игру ведет. Из него все строится. Так что тело наше не умирает. Как, я думаю, и все остальное.

Ты меня про остальное не спрашивай. Это тебя надо спросить, дочка, что там остальное? Может, и душа. Сознание наше. Оно ведь сложное. Разве оно может так – раз и ис-

чезнуть? Оно тоже остается. Куда девается, куда девается... Ученые вы теперь, а простых вещей не понимаете. На тот свет уходит. На тот свет – зря что ли люди так говорят? Просто так говорят? Нет, дочка, народ умнее нас с тобой. Народ ничего просто так не скажет.

– Что же там, дядюшка, на той стороне?

– А я почему знаю? Наверное, там мир, такой же, как и наш. Может, и не совсем такой. Но жить там, я думаю, тоже можно. И совсем неплохо. Наш свет. Есть еще «мир иной». Может, и не один этот «мир иной». Может, и много их. Вот туда мы и уходим. Сколько уже народу нашего с Земли туда перебралось.

– Как же, дядюшка, я рада, что у вас настроение сейчас получше. И говорите, и улыбаетесь.

– Морфия дали побольше, вот и говорить могу. А потом еще я тебе очень рад. Рад, что у племянника моего жена – такая чудная девушка. Сколько уже прошло с вашей свадьбы – месяц, два? Да, два месяца. Красивая ты. Самое главное – добрая, лицо у тебя доброе... Отзывчивая. Молодец, Боба, что нашел такую чудную девочку.

– Ну, ладно, дядюшка. Что это вы все меня нахваливаете? Вы меня и не знаете совсем, не такая уж я и чудная.

– Хорошая, хорошая. Если скажут, что нехорошая, не верь, у меня глаз – ватерпас.

– А вот и нет. Как в первый раз я приезжала в Ленинград, мы с Бобом уже встречались, это было год назад... До сих

пор не могу себе простить этого. Что на меня нашло? Помутнение разума какое-то... Я ведь, мерзавка, дура провинциальная, изменила тогда ему. С молодым мальчиком, барабанщиком из оркестра...

– Ну, так что?

– Как что?

– В жизни все бывает, дочка. И все забывается. А лучше бы – запомнить, чтоб это тебе уроком стало, уроком и предупреждением. Чтобы в другой раз не сглупить и больше уже не оступаться.

Да нет, не думай, хорошая ты. И с Бобом у вас все хорошо будет. А за меня не беспокойся, я ухожу спокойно. Может, чему-то эта жизнь меня и научила – заживу Там по-другому. Говорят, что Там ближе к Господу. Какая ерунда. Если он есть, и если уж он создал эти многие миры, тогда почему в одном мире он должен быть далеко от нас, человек, а в другом близко? И за себя тоже не беспокойся, в смысле смерти. Тебе, конечно, рано об этом думать. Но все равно – там все будут, никому не избежать этого. Так уж наша жизнь устроена.

– Пусть так, дядюшка. Если уж мы все перебираемся в этот самый «мир иной», – что это, дорога в один конец, что ли? – тогда кто-то должен и к нам от них приходить. Иначе их мир очень быстро переполнится. Почему обратно никто не приходит?

– Почему не приходит? Мы, может, и не возвращаемся.

А кто-то из того мира, видимо, приходит к нам. Наверное, таких очень даже много.

– Как же узнать, кто нашенький, а кто с «того света» прилетел?

– Как не узнать, милая? Боба своего любишь? А не думала, что он не от мира сего? Не думала? Не здешний он, не такой, как мы с тобой. Почему не такой? Да, посмотри на него. Открытый, свободный. Обо всем знает. Все-то у него ладится. Только захотел чего-то, тут же все и получилось. Живет в ладу – и с самим собой, и со всем светом. Нездешний он. Пришелец в наш мир. А я-то его веником охаживал, он тогда еще совсем молодым парнем был, впервые в баню пошел, я привел его и ну молотить по ребрам ладонями, ладони-то у меня видишь какие жесткие, а потом веником, веником... Хороший парень, племяш мой, прозрачный, безоблачный человек. Не от мира сего.

– Дядюшка, а сами-то? – вокруг вас лучи прямо так и ходят. Мне кажется, вы теперь ничего не боитесь, будто новую жизнь начали. Может, почувствовали, что болезнь ваша отступает?

– Не надо обманываться. Невозможно уже что-то изменить, дочка, я знаю, что меня ждет. Сегодня – завтра. Но почему-то ничего не боюсь. Не только не боюсь – чувствую себя по-настоящему счастливым. А знаешь почему? Потому что я теперь свободен, впервые по-настоящему свободен.

Не надо ни врать, ни изворачиваться. Могу, наконец, Га-

ле всю правду сказать, что гулял, что изменял... Она и так знает. Что ее одну всю жизнь любил. Если бы сейчас встать и пойти, я смог бы начать все по-новому. Никуда бы не побежал. Насколько проще ничего не вытворять. Не ловчить. Не выманивать у заказчика деньги, – зачем? Мне и так хватает, я ведь неплохо зарабатываю... И потом – не надо врать и обманывать.

Знаешь, почему я на войну не пошел? Никому не говорил, даже Галя не знает, а тебе скажу, дочка... Мне вообще легко тебе рассказывать, как в поезде – симпатичному попутчику. Так вот, не пошел на войну... Сделал себе белый билет, вот почему, дал денег военному комиссару. Если можно было бы повернуть время вспять, ни за что бы так не поступил. Не врал бы, не обманывал. Пошел бы воевать, как все. Мог и не вернуться. По крайней мере, умер бы как честный человек. Умирать ведь не страшно.

Иди, девочка, я устал. Когда увидишь Галю, скажи ей, что Арон всю жизнь только ее одну любил.

– Сами и скажете.

– Да я уже и сказал. Похоже, не поверила она. А тебе поверит. Завтра еще раз скажу, а как не доживу до завтра?

* * *

Галю покачивало, она уже не плакала, только принимала одну за другой таблетки. Ее поддерживали под руки дочь и

сестры. Рядом с сестрами застыли фигуры их мужей и детей. Пришел и Сеня с супругой. Высокая, видная, с бледным, словно опрокинутым лицом, она стояла, намертво вцепившись в руку мужа, неподвижная, как беломраморная статуя. Были здесь и молодожены – Боб, племянник усопшего, с хорошенькой, молодой женой.

Рабочие кладбища суетливо сбрасывали ржаво-коричневые полосатые срезы земли в мокрую могилу, тяжелые комья гулко стучали по крышке гроба.

Когда все закончилось, родственники поехали к Гале. Вспомнили Арона, выпили по стопочке – «пусть земля ему будет пухом». Молодожены вернулись домой, жена рассказала Бобу о недавнем посещении больницы.

– Знаешь, Боб, дядюшку тогда словно подменили – от него будто сияние исходило. Мы о разном говорили, он сказал, что считает себя дурным человеком, что жил скверно, суетливо, обманывал, ловчил и все такое, а теперь ему незачем что-то скрывать, можно говорить все, как есть, сказал, что впервые чувствует себя свободным и совсем не боится смерти. Ты был в тот день на работе. А я после больницы весь день проплакала.

– Жаль дядьку. Я любил его. Гулял, конечно. Но что жил скверно... Не знаю. Хороший он был человек. Я, например, от него только хорошее видел. Еще до войны вытащил моего деда из Соловков, тот, к сожалению, недолго прожил после этого...

Сеню, например, своего однокашника, просто спас. Во время войны тот оказался в плену, по возвращении попал в фильтрационный лагерь, «путевки» в ГУЛАГ избежал, а вот в трудовые батальоны вполне мог загреметь – без права смены места работы и возвращения домой. Ему удалось сообщить о себе на «большую землю», дядька подключил прежние ростовские связи, нашел влиятельных людей... Помогли, Сеня попал в «нужный» список и был отпущен домой. Вернулся к обычной жизни, нашел работу, женился...

А что повинился, правду рассказал... Исповедался перед смертью. Как-никак – на встречу с Богом отправился. Хотел напоследок душу очистить.

– Ты, Боб, умеешь увидеть все с лучшей стороны. Мне так хорошо с тобой – только не хотелось бы, чтобы у нас осталось что-то недоговоренным; мне, наверное, тоже надо перед тобой повиниться.

– Я не священник, чтобы грехи отпускать. Между нами и так ничего не стоит, дорогая. – Боб обнял и поцеловал жену.

– Нет уж, выслушай меня. Помнишь, я первый раз приезжала в Ленинград? Почти год назад... До сих пор не могу себе простить...

– Мне это совершенно неинтересно, душа моя.

– Ты с ума сошел, что ли? Тебе что – все равно? Как так, почему? – отвечайте, Борис Николаевич, когда жена спрашивает.

– Отвечаю, милая, отвечаю. Когда уходит близкий чело-

век, кажется, что на мгновение заглядываешь вместе с ним за край жизни и невольно задаешься вопросом – а что действительно важно для нас, для тех, кто остался?

Ты ведь любишь меня? А я – тебя. Это абсолютно неоспоримый естественнонаучный факт, разве нет? Только это и важно.

Уже или еще

*Есть у мудрых французов золотые слова:
«Если б молодость знала, если б старость
могла».*

*Но бывает участок в середине пути,
Когда опыт и сила могут рядом идти.*

Пословица Анри Этьена, автор стихов неизвестен

Лирическая тетрадь

Сказка о прекрасной Лю Ши

Жила-была на свете прекрасная китаянка – покровительница влюбленных, звали ее Лю Ши.

О, Лю Ши, поступью подобная юной лани, быстрая, словно девочка-гепард! Шее твоей завидуют лебеди, стройности стана – гибкая березка. Красотой лица затмеваешь ты ночную луну, а глубиной синих глаз – утреннюю зарю. Улыбка освещает ночью землю: когда ты улыбаешься, кажется, будто дневное светило уже проснулось и наступил рассвет. Ноги едва касаются земли, голова витает в голубых небесах, легкие облака – спутники твои и собеседники. Руки – нежнее гагачьего пуха, а объятия и поцелуи несут избраннику неземное блаженство.

В те времена жил на китайской земле мудрый монах. Он измерил ногами тысячу дорог и ни в одной заморской земле не нашел того, ради чего стоило жить. Изучил тысячу единоборств и победил десять тысяч соперников и в этом тоже не нашел ничего такого, ради чего ему хотелось бы отдать все силы своей души. Обратился с молитвами к тысяче богов, молился день и ночь, заточал себя в мрачные пещеры, истязал железом и плетью, но и это не наполнило его душу светом и спокойствием. Прочел книги тысячи мудрецов. Заменял числа мудреными символами, расчленил бесконечно сложные системы, сотворил с помощью философского камня огненного человечка гомонкулуса, обращающего ртуть в золото;

стоял на пороге невиданного обогащения, на пороге владения миром, и остановился именно в этот момент – он понял, что и это не то, ради чего стоило бы жить. Монах поднял голову к небесам, раскинул руки и закричал: «Господи, если ты есть на свете, если ты всемогущий и всеблагий, открой мне загадку жизни, приоткрой уголок завесы, дай увидеть хоть кусочек того, что на той стороне человеческого разума! А иначе, для чего ты дал мне горячий огонь жизни?»

Господь раздвинул облака, и, увидев его, в страхе упал монах на землю, ибо не в силах человека вынести зрелище всемогущего. Как зовут тебя, дерзкий человек? – спросил его вседержитель. А имя мое – Са Кру Ша, о Всезнающий, зачем ты спрашиваешь об этом? Чтобы ты обратился к свое-

му сердцу и понял, как легко человеку узнать тайну и смысл его жизни. В твоём сердце уже находится то, что дано тебе от рождения. Что это, о Господи? Это терпение путника, это искусство единоборств, это страсть к знанию, это желание власти и богатства? Но я уже испытал все это и не нашел даже крупицы счастья. Иди, спроси об этом у красавицы Лю Ши, – услышал в ответ монах, и облака захлопнулись. Что нового может сказать мне неразумная женщина? – с горестью подумал монах. Он пошел в дальние края, чтобы найти красавицу Лю Ши. И когда увидел ее, забыл обо всех своих вопросах.

Потому что в его сердце вспыхнула любовь.

* * *

Записки для неопита, стоящего у входа в сад любви *Стоящий у входа приветствует тебя, Сад Любви*

Не спеши обойти весь сад целиком, не спеши охватить его одним взглядом.

Если попытаешься сделать это, ускользнет смысл Сада Любви, и ты не сможешь прикоснуться к его величию.

Осматривай, изучай, исследуй Сад Любви, не торопясь, маленькими частями, сантиметр за сантиметром.

Через 10 лет, через 20, возможно, к концу жизни, ты приблизишься к тому, чтобы оценить и принять сердцем неизмеримую красоту этого сада.

Может случиться, что ты почувствуешь скорый конец своей жизни, – а ты еще не осознал величия этого творения, созданного родной землей специально для тебя! И воскликнешь в отчаянии: «Почему я не поспешил? Кто виноват в том, что счастье узнать этот сад прошло мимо меня?» И вот тогда, только тогда ты вдруг поймешь, как ты был счастлив в этом саду.

И что именно в этом состоял замысел провидения.

* * *

Шесть фраз

Любовь живет по своим законам, она не зависит от нашего желания, приходит и уходит сама –

никто не скажет почему.

Когда встречаешь свою единственную, сразу поймешь, что это именно она –

никто не скажет почему.

Причин ухода любви может быть много – невнимание друг к другу, плохой запах, какая-нибудь незначительная мелочь типа привычки неровно выдавливать зубную пасту, а может и не быть причин, любовь проходит сама собой –

никто не скажет почему.

Нельзя вернуть любовь, даже если очень хочешь, это не зависит от нас. Любовь может вернуться (или не вернуться) сама собой –

никто не скажет почему.

Говорят, что к женщинам старая любовь не возвращается, женщина уходит от своего любимого и больше не возвращается –

никто не скажет почему.

* * *

Я – Лев, ты – Весы

Я – Лев, ты – Весы. Я – огонь, ты – ветер.

Ты, если б ты знала, какая ты, – потрясающая, легкая, быстрая, стремительная, смелая и свободная.

Ветер – победитель всех стихий. Раздувает огонь, вздымает волны на море, обрушивает снежные лавины, выветривает и разрушает горы.

Ветер пришел ко мне, раздул огонь любви в моем сердце. Что могу я сделать для ветра? Только обогреть; если хватит сил – иссушить, раскалить его своей любовью, сделать ветер грозным и беспощадным, всесокрушающим, как это великое чувство... Если хватит сил.

Ветер манят путешествия и странствия. Бесполезно пытаться запереть, спрятать его в клетку. Придет момент, и ты оставишь меня, унесешься в дальние края, туда, где много других огней, которые манят и ждут тебя, о моя недолгая любовь.

Огонь разгорается, он счастлив, он живет, пока рядом с

ним ветер. Также и я – живу тобой, счастлив, ловлю каждое мгновение, пока ты со мной, дорогая.

Потому что я – огонь, а ты – ветер.

* * *

Шлемазл из Питера

Гретхе-е-е-ен! – несется крик – по всей земле,
Через все галактики, через всю вселенную.

Обитатели иных миров слышат его и говорят:

«Это кричит шлемазл из Питера.

Он зовет свою Гретхен. Видно, он скучает по ней».

* * *

Когда-нибудь

Когда-нибудь наступит момент,

И я смогу сказать желанные слова: «моя Гретхен».

Сейчас ночь, ты спишь, нежная и беззащитная –

Такая, какой была девочка Гретхен,

Которая живет в тебе,

Которую я так люблю и за которую всегда боюсь.

* * *

Гретхен, Гретхен, где ты, почему ты так далеко, почему я не рядом с тобой?

Если б я не встретил тебя, у меня не возникло бы этих щемящих и чудных вопросов.

* * *

Ты говоришь: я красивая, я красивая.

Ты не знаешь, какая ты, – а я знаю.

И красоту твоей нежной души.

* * *

Солнце, цветы, красота.

И мысли прекрасные – о тебе.

Все связано в лучшем из миров.

* * *

Изменения приходят сами собой

Изменения приходят сами. Совсем не оттуда, откуда ты предполагаешь.

Они тебя уже ждут. В один прекрасный момент что-то щелкнет, и весь мир изменится, все засверкает новыми красками.

* * *

Темно-красная роза

Ты – роскошная темно-красная роза.

Твой аромат – для тех, кто любит тебя и умеет ценить,
Капля росы между лепестками – для тех, кто жалеет тебя и знает, как быстролетны молодость и красота, Колючие шипы – для тех, кто хочет сорвать тебя или поломать длинные стебли.

Роза – само совершенство.

* * *

Роза любви выросла в сердце, разрывает шипами.
Умираю без тебя. Сладкая смерть.

* * *

Раньше бывало

Я говорил сам с собой, и губы шептали непроизвольно:
«Радость моя, голубушка, как же ты прекрасна!»

Кому я говорил тогда, еще до встречи с тобой, О ком думал?

Я тогда уже к тебе обращался, О тебе думал.

* * *

Осень любви

Небесные глаза – серые лужицы,

Вишни губ поблекли.

Ни радости, ни грусти,

Тусклый свет безразличия –

Дождь, осень любви.

* * *

В твоих глазах отражаются мои.

В моих отраженных глазах я опять встречаю твои –

Мы бесконечно входим друг в друга

Или бесконечно удаляемся?

* * *

Останови на мгновение свой стремительный бег, дай восточку.

Без тебя нет воздуха, света, тепла, воды и тверди земной,

Без тебя исчезают пространство и время, без тебя умирает вселенная.

И я вместе с ней.

* * *

На стекле моей жизни

На стекле моей жизни нарисовано прекрасное женское лицо.

Смотрю на все через это лицо,

Через его чудные краски, через небесные глаза,

Через воронье крыло волос, через тихую улыбку.

Пока это лицо улыбается мне, жизнь тоже улыбается,

И во всем я вижу свет и небесную высоту этого лица,

Твоего лица, дорогая.

Что станет со мной, когда эта улыбка будет не для меня,

Когда у меня не будет твоей улыбки?

Разве кто-то хочет наступления ночи?

Пусть бесконечно длится день моего счастья.

* * *

Голова твоя в облаках

Ты стоишь, голова твоя в облаках,

Босые ноги – на земле.

Обнимаю и целую эти нежные, любимые ноги.
Я всегда был один.
А теперь я рядом с чем-то очень большим,
Что хочется любить и чему стоит поклоняться.

* * *

Нам не дано знать будущего.
Но сегодня я знаю:
Ты поднимаешь меня
Над обыденным, над повседневным.
Молюсь, чтобы это никогда не кончалось.

* * *

Сердце мое живет и раскрывается, словно огромный белый цветок, когда думаю о тебе.
Спасибо тебе за все.

* * *

Не понимаю, как я жил до встречи с тобой.
Наверное, жил как мертвый.
Словно робот делал что-то, не жил – отбывал номер.
А теперь – живу.

На душе расцветают лилии. Белые, с солнечными тычинками.

* * *

Сердце болит и плачет, когда тебя нет.
Темнота. Хочется немного света,
Хоть на минуту увидеть твою нежную улыбку.

* * *

Скучаю

Без тебя мне ничего не надо, все пресно и уныло.
Кажется, что жизнь на земле умирает, когда ты далеко,
любимая.

* * *

Не спится, все мысли о тебе, скучаю.

* * *

Прошел длинный день.
Как хорошо, что перед сном я могу, не торопясь, вспоминать о тебе.

Это примиряет с трудностями пути.

У меня теперь все прекрасно, потому что есть ты.

* * *

Живу вдали от тебя. Под тяжестью различных обязательств.

Прорублю скалу, освободившийся поток подхватит меня и понесет к тебе.

Живу надеждой.

* * *

Ночь упала, ты спишь.

Если б ты знала, как хочу услышать твой голос.

Проснешься, прочтешь и узнаешь, как тоскую по тебе.

Если во сне ты услышишь, что тебя зовут – знай, это я.

И когда меня не будет, и ты услышишь, что тебя зовут,

Знай – это тоже я.

* * *

Засыпаю с надеждой, ты придешь во сне и скажешь:

– Ничего не бойся, дорогой, потому что я с тобой. Все будет хорошо, пока я с тобой.

Я ведь ангел, – скажешь ты мне. – Разве ты этого не знаешь?

* * *

«День отошел, постепенно стемнев».

Ты и я. Больше никого.

Целую твою спину, и ты засыпаешь.

Во сне тебе предстоит чудесный полет.

* * *

Держу твою руку.

Шепчу заворожённо:

«Царица чудная, голубушка ненаглядная, утренней зари
принцесса несравненная.

Спокойной ночи, прекрасных снов и утренних надежд
пробуждения».

* * *

Ты для меня – как чистый родник.

Как хрустальный плеск.

Как радуга прозрачного кристалла.

Спокойной ночи, девушка моей мечты.

Приходи во сне, мне есть, о чем тебе рассказать.

* * *

Сердце полно тобой, моя царица.
Чувство полноты жизни с примесью сладкой горечи.

* * *

Люблю – какое емкое слово.
Ничего не надо добавлять.

* * *

Жар-птица

Гуляя по парку жизни, встретил незнакомую птицу.
Какая красивая птица, подумал я.
Подошел ближе – Жар-птица.
Если бы схватил за хвост, она улетела бы, оставив только
перо.

Буду гулять с ней, любоваться ее красотой, говорить с ней,
Пусть подольше не улетает.

* * *

Ты летишь над океаном или над новым континентом,
Из Старого Света в Новый, из прошлого в будущее, из
известного в неизвестное.

Когда ступишь в новый мир, прочтешь это письмо
И вспомнишь, что в прошлом остался человек, который
думает о тебе,

Поймешь, что ты все время была не одна, я летел рядом,
согревал дыханием твои прекрасные руки, наполнял теплым
воздухом крылья.

* * *

Ты спишь, Жар-птица.

Когда проснешься и полетишь, опять будешь обжигать ме-
ня пламенем огненных крыльев.

* * *

Теперь я знаю, почему так мало сказал тебе нежных слов.
Потому что ты улетаешь быстрее, чем я их произношу.
Когда-нибудь ты преврешь ненадолго свой полет,
И мои слова, все до единого, догонят тебя.

Вопрос только, дождусь ли я этого времени.

* * *

Всех женщин мира собрали вместе, взяли у них лучшее,
Получили экстракт, из него сделали тебя.
Вот отчего ты такая. Квинтэссенция женщины.

* * *

Я без тебя – река без воды,
Лист без солнца,
Ночное небо без луны,
Птица без крыльев,
Дом без крыши,
Окна с выбитыми стеклами,
Очаг без огня,
Соловей без песни,
Море без идущих кораблей.
Жизнь покидает меня, когда ты вдали.

Юность

«Какие все-таки гладкие улицы в этом городе!

По ним можно ехать на собственных колесах, даже не отрываясь от земли.

А дома, какие высокие!

И эта река с каменными берегами!

Нет, этот город мне положительно нравится. Как я сюда попал, интересно?

И откуда?

А где я был раньше? Не помню.

На мне белая футболка с голубыми рукавами – видимо, я спортсмен.

А куда же я еду?

Э-э, брат! Хе-хе, сейчас ты едешь наверняка не туда, куда нужно. Так и есть – первая встреча с милицией!

Посмотри-ка, дружок, какая женщина живет в этом городе.

И ноги, и спина, и бедра! Какие волосы, их много, и они кажутся такими тяжелыми.

Походка мне ее нравится. Это походка королевы.

Наверное, она здорово смеется. Наверное, когда она хохочет, всем становится хорошо, и земля разверзается в гомерическом смехе. Ха-ха-ха-ха!

Человек обычно беззащитен, когда ему смотрят в спину, –

а эта спина не чувствует себя беззащитной. Я сам беззащитен перед лицом этой спины.

Спина, а спина! Ты просто очаровательная спина! Почему я должен от тебя уезжать? Мне этого совсем не хочется, дорогая моя спина, которая, как мне кажется, смеется лучше всех на свете.

Все-таки у тебя удивительная походка, даже с твоей спины, спина!

Но спина! Я же должен посмотреть на тебя с другой стороны. Так, так, вот я тебя объезжаю. Не волнуйся, я не оглянусь сразу, я отъеду на почтительное, на уважительное расстояние и только тогда посмотрю через плечо.

Я, пожалуй, перестарался и здорово тебя обогнал. Вот так, сейчас посмотрю.

Пардон, да ты вовсе и не идешь.

Черт, черт! Это же манекен! Ну и сюрприз: думал, изумительная женщина... Выясняется – манекен!

А это что за футболист?

Мяч словно прилип к его ноге, они оба, мяч и нога, движутся слитно – то сходясь, то расходясь в виртуозном движении.

Тоже манекен. Вон у него из плеч торчит гладкий штырь, на который забыли надеть бутафорскую голову с сиреневыми щеками (откуда я знаю, что щеки непременно должны быть сиреневыми?). Наверное, чтобы не перегревалась на солнце или чтобы не мешала при быстром движении».

Так на улицах моего города появился маленький велосипедист на изящной рогатой машине.

Вначале он был веселым, он радовался тому, что оказался в нашем городе. Ему нравились люди.

Но город был таким, как все другие города, и люди в нем жили самые что ни на есть обычные. «Самые, самые обычные», – подумал он. И когда спустился вечер, глупому маленькому велосипедисту стало одиноко и грустно.

Он ехал медленно, медленно. Словно во сне. А люди проплывали мимо него со своими горестями и радостями. Они проходили вопросами, как бы ожидая его ответов, но ответов не было, – а, может быть, ответами на его вопросы – и больше никогда не встречались. Их внешность соответствовала их характерам. Внешность, которая всегда может быть подогнана под определенный стандарт. Но нестандартный характер прорывался через внешность и оставлял следы. Люди несли на лице следы своего характера, свои следы. Казалось, с любым заговори, и возникнет взаимопонимание, а после – благодарность за эту мимолетную общность. Но люди проходили вопросами, так и не дождавшись ответов, и больше никогда не встречались. И оставалось только чувство, вначале теплое и немного тоскливое, которое сменялось отчуждением и холодом. Теплота с привкусом тоски не находила опоры и быстро исчезала, а на ее место приходили недоумение и стыд. И странная пустота после наивного порыва. Что та-

кое? К чему все это? – и больно от своего теперешнего безразличия.

Велосипедист задумчиво объезжал крышки люков, вырисовывая на сыром асфальте замысловатый узор. Вот он круто свернул и, подкидывая задком, спустился по ступеням на водную гладь. Туман принял его, и велосипедист заскользил по блестящей печальной поверхности. Туман галактиками накручивался на колеса его машины, и быки мостов толпились вокруг него и молчали, как сказочные кристаллические великаны.

Маленький печальный велосипедист. Современный велосипедист с острыми сухими коленками. На плечи его садился седой иней. Кожа замерзала и леденела. Плечи, спина, ноги чувствовали чужое холодное движение своей кожи. Смеженные веки, качаясь, охладили теплые глаза.

Глаза широко открывались внутри, под веками, и заполняли собой весь мир. И мир глаз приходил в его сознание, мир теплых глаз под холодными веками. В этих глазах мир таял под лучами нездешнего солнца, и теплое море плескалось в этих глазах. Море качалось и манило, и пеной стекало по бронзовой коже. И маленький велосипедист уплывал, чтобы потеряться в ласковой бездонной стихии. Он падал с головокружительной высоты, теряя сознание, и обретал волшебную власть над своим телом, слитым в движении с соленой стихией.

Стихией...

Стихи...

И в воображении его, плывущего, раздвигалась и открывалась другая, теплая оранжевая страна, населенная красивыми молчаливыми женщинами. Незнакомки всех поэтов теснились на его размягченном мозгу, и, как ни странно, печального велосипедиста тянуло к конфликту, к детскому цинизму, как к отвратительному и притягательному плоду. Печальный юный велосипедист с острыми сухими коленками.

«Распался мир, раскололся, как в каждое двадцатилетие, как для каждого в его двадцатилетие. Враждебный мир, несвязанный, как для любого, открывающего дверь в него с наивными глазами и застенчивой улыбкой. Он угрожает, улюлюкает, паясничает. Мир, населенный чудовищами с задами вместо лиц. И лицо этой вселенной предстает гигантским, розовым, колыхающимся задом, ощерившимся по недоразумению в зубастой, нагло приветливой улыбке: “Входите, молодой человек, в жизнь. Посмотрите, как она прекрасна! Мы для вас приготовили уже все пути и дороги!”»

Мир закачался и накренился как корабль, застигнутый штормом, но велосипедист этого не заметил. Впереди неожиданно очертились две фигуры.

– Скажи, ты меня любишь, милый?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.